

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 5 (919) Вторник, 4 февраля 1941 г. Цена 45 коп.

Пламенный большевистский привет
Клименту Ефремовичу Ворошилову,
выдающемуся полководцу Красной Армии,
одному из активнейших строителей партии,
верному соратнику Ленина и Сталина!

Дорогой Климент Ефремович!

В день Вашего шестидесятилетия Президиум Верховного Совета СССР приветствует Вас — верного сына большевистской партии, непоколебимого борца за дело Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Всю свою сознательную жизнь Вы отдали беззаветному служению делу рабочего класса, делу коммунизма. В годы первой русской революции, рука об руку с Лениным и товарищем Сталиным, Вы создавали большевистские организации в подполье, руководили стачечной борьбой и боевыми организациями угонских пролетариев. Ни царские тюрьмы, ни ссылки не поколебали Вашу стойкость и энергию в борьбе за диктатуру рабочего класса, за торжество ленинизма.

В дни Великой Октябрьской социалистической революции Вы, как ближайший соратник Ленина и Сталина, являлись одним из орга-

низаторов победоносного вооруженного восстания рабочих и крестьян.

В годы гражданской войны и интервенции Вы были одним из организаторов доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии и ее героических побед над контрреволюцией. Вместе с товарищем Сталиным, под его непосредственным руководством Вы организовали героическую оборону Царицына, вошедшую в историю гражданской войны одной из блестящих ее страниц.

Ваши исключительные заслуги, как организатора и политического руководителя 1 Конной армии, покрывшей себя неувядаемой славой в борьбе с Деникиным, белополяками и Врангелем, широко известны трудящимся.

Ваше славное и любимое всем советским народом имя пролетарского полководца воплощает в сознании трудящихся нашей стра-

ны доблесть, героизм и беззаветную преданность Красной Армии великой партии Ленина — Сталина и советскому государству.

Красная Армия, оснащенная современной военной техникой, идейно сплоченная, стала грозной силой для всех врагов СССР. Этим она во многом обязана Вашей плодотворной работе по организации и руководству вооруженными силами социалистического государства.

Трудящиеся Советского Союза учаются на Вашем примере твердой последовательности в проведении генеральной линии партии, непримиримости к врагам народа, большевистской настойчивости, в осуществлении задач, поставленных партией.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик шлет Вам свои горячие пожелания еще долгие и долгие годы жить и работать на благо и счастье трудящихся нашей социалистической родины.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Дорогой Климент Ефремович!

В день Вашего шестидесятилетия Народный Комиссариат Обороны СССР шлет Вам, верному сыну большевистской партии горячий привет!

В дни царского самодержавия Вы прошли тяжелый путь большевистского подполья, ссылки и каторги. Под руководством Ленина и Сталина Вы беззаветно боролись против парииа и буржуазно-помещичьего гнета за победу Великой Октябрьской социалистической революции.

Под руководством нашей славной большевистской партии Вы провели большую работу по организации и строительству вооруженных сил Советского Союза, с Вашим именем связаны многие славные страницы борьбы и побед Красной Армии.

Советский народ никогда не забудет легендарный поход 5-й Украинской Красной армии через Дон к советскому Царицыну, совершенный под Вашим командо-

ванием. Выполнив директиву партии — умереть, но города не сдавать, Вы, под руководством товарища Сталина, превратили Царицын в неприступную крепость и разгромили белоказацкие банды генералов Красова, Мамонтова и других.

Будучи членом Реввоенсовета и политическим руководителем Первой Конной армии, созданной по инициативе товарища Сталина, Вы, вместе со своими боевыми соратниками — коопарейцами, разгромили генералов Деникина, Шкуро, Чеснокова и Врангеля, совершили исторический тысячеклометровый поход с Северного Кавказа на Украину и нанесли сокрушительный удар войскам папской Польши.

Выполнив ленинское задание, Вы вместе с делегатами X съезда партии, в кратчайший срок ликвидировали Кронштадтский мятеж.

В период первой и второй сталинских пятилеток, под руководством нашей славной большевистской партии, Вы немало потрудились над технической реконструкцией Красной Армии. Из армии технички отсталой она превратилась в армию современную, вооруженную передовой военной техникой.

В Вашем лице Народный Комиссариат Обороны приветствует не только замечательного военного организатора, но и одного из крупнейших государственных деятелей и желает Вам, дорогой Климент Ефремович, дальнейшей плодотворной работы на посту заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Председателя Комитета Обороны при СНБ СССР.

Живите и работайте много и многие годы на благо и счастье нашей великой родины!

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР.

Приветствие Союза советских писателей СССР

Дорогой Климент Ефремович!

Писатели Советского Союза горячо приветствуют Вас в день Вашего 60-летия. Ему не знает боевого пути Ворошилова, полководца революции, верного боевого товарища великого Сталина!

Вы, как верный сын большевистской партии, прошли славный путь от луган-

ского слесаря до Маршала Советского Союза. Этот путь освещен яемержущей славой Красной Армии, славой Ваших побед.

Многомиллионный народ десятилетий советских республик поет песни, слагает сказки о первом Маршале Советского Союза Климе Ворошилове. Ваш образ вдохновляет художников слова, создающих литературные произведения, проникнутые ду-

хом советского патриотизма, верностью родине, партии и Сталину.

Каждый юноша нашей страны мечтает быть таким же храбрым, таким же твердым, таким же беззаветным борцом за коммунизм, как Вы.

Желаем Вам многих, многих лет здоровья и бодрости в борьбе за дело коммунизма.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Товарищу Клименту Ефремовичу Ворошилову

Центральный Комитет большевистской партии и Совет Народных Комиссаров Союза ССР горячо приветствуют тебя, верного соратника Ленина и Сталина, одного из активнейших строителей коммунистической партии, виднейшего организатора вооруженных сил Советского государства и выдающегося полководца Красной Армии — в день твоего шестидесятилетия.

Всю свою жизнь с юношеских лет ты посвятил революционной борьбе за дело рабочего класса, за коммунизм. В годы первой русской революции 1905—1907 гг. ты боролся в передовых рядах революционных донецких рабочих и вместе с Лениным и Сталиным строил нашу большевистскую партию. Ты был одним из активнейших участников Великой Октябрьской социалистической революции и большевистским руководителем ее в Донбассе, одним из первых организаторов Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Под твоим командованием В-я Украинская армия в 1918 году совершила героический поход к Царицыну, прорвав кольцо белоказачьей контрреволю-

ции. При твоём руководящем участии была создана Первая Конная Армия, покрывшая себя неувядаемой славой. Ты прошел с ней славный победоносный путь, сокрушая денкинскую контрреволюцию, гремя белополяков, ликвидируя белые банды Врангеля.

Твоей неустанной многолетней работе по руководству Красной Армией — она во многом обязана тем, что выросла в могучую и грозную силу.

На всех этапах твоей славной революционной деятельности партия знает тебя как мужественного и последовательного борца против врагов партии и советского народа. Своей неутомимой и плодотворной работой в качестве партийного руководителя, государственного деятеля, строителя Красной Армии ты заслужил любовь и уважение нашей партии и советского народа.

От всего сердца желаем тебе, наш дорогой друг и боевой товарищ, многих лет здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо нашей партии и Советского государства.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР.

Об учреждении стипендий имени т. Ворошилова К. Е.

В ознаменование 60-летия т. Климента Ефремовича Ворошилова Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил учредить стипендии имени Ворошилова для наиболее выдающихся учащихся в высших учебных заведениях:

В Военной Академии им. Фрунзе 10 стипендий по 900 рублей в месяц каждая;

В Академии Механизации и Моторизации Красной Армии им. И. В. Сталина 10 стипендий по 900 рублей в месяц каждая;

В Артиллерийской Академии Красной Армии им. Ф. Дзержинского 10 стипендий по 900 рублей в месяц каждая;

В Московском Авиационном Институте им. С. Орджоникидзе 10 стипендий по 400 рублей в месяц каждая;

В Ленинском Индустриальном Институте им. Н. С. Хрущева 10 стипендий по 400 рублей в месяц каждая.

(ТАСС).

У К А З ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О награждении товарища Климента Ефремовича Ворошилова орденом Ленина.

За выдающиеся заслуги в деле строительства Большевистской партии и Советского государства, в деле организации и укрепления Красной Армии награждать товарища Климента Ефремовича Ворошилова, в день его шестидесятилетия, — орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН. Москва, Кремль, 3 февраля 1941 г.

У К А З ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О присвоении имени тов. К. Е. Ворошилова Академии Генерального Штаба Красной Армии.

В ознаменование 60-летия тов. Климента Ефремовича Ворошилова присвоить имя тов. Ворошилова К. Е. Академии Генерального Штаба Красной Армии. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН. Москва, Кремль, 3 февраля 1941 г.

За неделю

Перед лермонтовскими днями

Состоявшийся на днях пленум Лермонтовского юбилейного комитета показал, как широко и многообразно вся страна готовится к 100-летию со дня смерти великого поэта. На языках народов СССР выйдут миллионы экземпляров лермонтовских книг. Около шести миллионов книг должны быть выпущены на русском языке нашими центральными издательствами.

Подготовлена к изданию также обширная литература о жизни и творчестве Лермонтова, начиная от научной биографии поэта и научно-исследовательских обзоров и кончая его популярной биографией.

Созданы испепеленки произведения Лермонтова — «Герой нашего времени», «Вадим», «Песня про купца Калашникова». В кино идут съемки для экрана «Маскарад».

Большую активность проявляют советские композиторы. Они написали новые оперы, романсы и песни на лермонтовские тексты. Ряд советских скульпторов работает над проектами памятника Лермонтову в Москве.

Пленум юбилейного комитета уделял много внимания Всесоюзной лермонтовской выставке. Возникло опасение, что эту выставку трудно будет развернуть в отведенных трех залах музея А. С. Пушкина. Выделена специальная комиссия для выяснения возможности расширить площадь выставки, объединив в одном зале заключительные залы Пушкинского музея и Лермонтовской выставки, относящиеся к советской эпохе.

Интересные сообщения сделали делегаты с мест Г. Сарьян (Армения), Янка Кулала (БССР), А. Кутуй (Татария), Д. Яндиев (Чечено-Ингушетия), Г. Плиев (Северная Осетия) и В. Мануилов (Ленинград).

В республиках созданы юбилейные комитеты, лучшие поэты и писатели работают над новыми переводами лермонтовских произведений. Тем более странно было слышать из уст ленинградского делегата, что там до сих пор не существует общегородского юбилейного комитета, а разрозненно действуют комитеты Союза писателей и управления по делам искусств.

Заведующий музеем Лермонтова на его родине, в Тархане, т. Храмов рассказал о непрерывном росте посещаемости музея. В 1939 г. его посетили 17 тысяч человек, в 1939 — 23 тысячи человек и в 1940 — 31 тысяча человек.

В работах пленума приняли участие также секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Г. Горкин и народный комиссар просвещения В. П. Погодин.

ЧЕСТВОВАНИЕ П. Г. ТЫЧИНЫ

КИБЕВ. (Наш. корр.). Юбилей П. Г. Тычины Советская Украина отмечала как большой праздник украинской советской культуры. В предпоследние дни в Киеве состоялось несколько встреч юбиляра с читателями: в библиотеке им. ВКП(б), в столичном Доме учителя, в Государственном университете.

Институт литературы украинской Академии наук им. Т. Г. Шевченко созвал специальную научную сессию о творчестве Тычины. На сессии были заслушаны доклады: акад. А. Н. Беленко о поэзии Тычины, Л. Новиченко — о сабже поэта, С. Шаховского — об историко-литературных и критических работах Тычины.

28 января в Киеве состоялся большой торжественный вечер, посвященный юбилею. Вечер открыл председатель юбилейного комитета Микола Байан. Доклад о творчестве Тычины сделал Максим Рыльский, закончивший его чтением своих стихов «Золота шабля», посвященных юбиляру.

От Союза писателей Украины юбиляра горячо приветствовал А. Корнейчук, вручивший адрес от писателей Украины.

От Академии наук Украинской ССР юбиляра приветствовали академики: А. Салетин, К. Воблий и А. Беленкий, от

президиума Союза советских писателей СССР Всеволод Иванов.

С приветственными речами на вечере выступили: народный комиссар просвещения УССР т. Бухало, ректор столичного университета т. Русько, хулюбий Пащенко и др.

Стихами П. Г. Тычины приветствовали поэты В. Сосюра, П. Усенко, П. Кармалюк, А. Матильда, польский поэт А. Важек, П. Улакюк.

На имя юбиляра пришло свыше 500 телеграмм. Только небольшая часть их была оглашена на вечере П. Папчем. Замечательный певец свободного украинского народа получил поздравления со всех концов необъятной советской страны: от союзных писателей Киргизии, Латвии, Чувашии, Армении, Грузии, Белоруссии и других республик, от Ольги Кобылянской, от Н. Асеева, Я. Купалы, Авентика Исаакяна, Галактиона Табизе и др.

Отдельное слово П. Тычины было, как и всегда, скромным, простым, но одновременно и глубоким; оно было насыщено безграничной любовью к своему народу, к великой большевистской партии, к вождю трудящихся товарищу Сталину.

В заключение состоялся концерт, программа которого была составлена из произведений юбиляра. Концерт прошел с большим успехом.

ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Обращение молодежи автозавода им. Сталина пахло горячий отклик у московских писателей. За последние время литературные вечера состоялись на заводах «Серп и молот», парикоподшипниковом им. Л. М. Гагановича, Станкозаводе, в ИФП им Чернышевского.

Литераторы побывали в гостях у комсомольского актива Октябрьского, Куйбышевского и Баумановского районов. В этих вечерах приняли участие около 50 писателей. Среди них: В. Вереслав, П. Вирта, В. Инбер, Л. Кассиль, Л. Квитко, В. Кирпотин, Н. Ляшко, П. Маркин, К. Паустовский, П. Погодин, П. Сельвинский, В. Ставский, А. Фадеев, К. Фелип, С. Шпачев и др.

4 февраля МГР ВЛКСМ и Союз советских писателей устраивают в МГУ встречу писателей и журналистов с московским студенчеством.

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ ССП СССР

Решением президиума ССП СССР в члены Союза писателей приняты: прозаики Т. Семухин — автор повести «Чукотка», К. Осипов (О. Кусерман), написавший книгу о Суворове, беллетрист и кинодраматург Ф. Блюре, начатавший в «Знамени» повесть «Твоя большая судьба», М. Большаков, детский писатель А. Волков. Приняты в Союз писателей также литераторы М. Юнович, критики М. Чарный, А. Чарковский, В. Щербина, Б. Песне, Е. Вейсман, Л. Зивельчинская, Н. Отцен, автор мемуаров о революционном движении С. И. Мишкевич, последователь творчества Л. Н. Толстого П. Н. Гусев, поэты-переводчики Н. Левик и А. Штейнберг, переводчицы В. Топер и Н. Волжина.

Из кандидатов в члены ССП СССР переведены: прозаик Х.-М. Мугуев, детский писатель А. Конован — автор рассказов о Ленине и о Чапаеве, критик В. Гроссман и переводчица Б. Черная.

«Поход Ворошилова» и «Оборона Царицына»

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ СЦЕНАРИЕВ

АВТОРЫ СЦЕНАРИЕВ И ПОСТАНОВКИ — РЕЖИССЕРЫ БРАТЯ ВАСИЛЬЕВЫ

1918 год. Царицын осажден белоказачами. Одновременно зреет контрреволюционное восстание и внутри города...

Стален, Ворошилов, Руднев и Пархоменко сидят за столом. Ворошилов кладет на место трубку телефона.

Подойдя в кресле сидит Рындин. Он раскладывает какие-то бумаги и время от времени нервно поглядывает на Сталена.

Но Стален весь ушел в работу. Вот он кивнул Ворошилову:

— Да, Кривая Музга может и должна стать опорным пунктом нашей защиты!

— На бугре — с продольным обстрелом обоих флангов! — подтверждает Ворошилов.

Сидящий в кресле Рындин украдкой вынул карманные часы.

На их циферблате было ровно 2 часа 30 минут.

Стален, стоя у окна, внимательно слушает, что тихо говорят ему Катя Давыдова.

— Как слали? Кривую Музгу слали? — слышен за кадром голос Ворошилова.

Стален и Катя перестают разговаривать и поворачивают головы.

Ворошилов кричит в трубку полевого телефона:

— Да ты понимаешь, Перчихин, что это значит?

— Да не ж — слали-то!

На другом конце провода надвывается Перчихин:

— Это же не мой участок! А теперь что, отбегать, к Кривой-то Музге, по нам же калеты мортирками полыхают! Вот тут и вертись! — поворачивается!

Ворошилов, едва слышно показав Сталену что-то на карте, снова кричит в трубку:

— Перчихин, ты слышишь? Так вот — Кривую Музгу надо отбить, отбить во что бы то ни стало... Попадет? Кроме своих — возьми еще под командой полк Микендава! Они у тебя на левом фланге! Что? Микендава бить? Нет, нет... Он уже не будет — я тебе ручаюсь! Теперь, слушай! Атаку начнем немедленно!

Перчихин выткнулся:

— Есть — немедленно, товарищ командир!

— Да ты погоди... — перебивает Ворошилов. — Слушай еще! В атаку поведешь в пешем строю! Попадет? Липо Перчихина выткнулось:

— Как — в пешем строю? А на что ж тогда мы Микендава полк? Они ж — конники!

— Ну, что — конники? Слышишь! — настаивает Ворошилов. — Да ты помни! Там же ямы, вольтиж карьеры... Проволока! Сколько ты там людей да коней зря покалечил!

— Так виле — должно же ж! А тут — раз-раз, и нет вас! — не сдается Мартын.

— А я говорю — поведешь в пешем! Ясно?

В голосе Ворошилова звучит суровая нотка.

— Ладно... Приму меры... — угрожающе бурчит в трубку Перчихин.

Но Ворошилов не успокаивается:

— Да не «приму меры», а исполняй, что говорю!

— Попробую! — не сдается Перчихин.

— Давай без пробы, товарищ Перчихин! — нахмурился Ворошилов. — Мне тут с тобой цапкаться некогда! Не видя, а отвечай коротко и ясно: мой боевой приказ выполнишь точно или нет?

— Выполнил! — сдается Мартын и сбывает вешает трубку.

Ворошилов подходит к стоящим у окна Сталену и Кате.

— Интересные вещи рассказывает товарищ Давыдова... — кивнул Ворошилову Стален.

— Да как же Климент Ефремович? — волнуется, заводила Катя. — Недавно у нас на «Грузолесе» что-то! Молдавский с вечера опилил все... Каратун поставил... Ничего не пропустил! Пушек на двор навесил!

— Пушек? — переспросил Ворошилов.

— Ну, да... Ребята говорят — батареи трехлинейные!

Ворошилов переглянулся со Сталенным:

— Батарея? Кто же им дал? Да и на кой лад им своя батарея?

Площадь перед воротами «Грузолеса». Из темноты неосвещенной улочки быстро выходит человек. Он пересекает площадь, направляясь к воротам.

— Кто идет? — шепчет затвором часового.

Одлинный, подлодя ближе, что-то тихо сказал часовому. Тот кивнул головой и встал вправо «к ногам». Человек скользнул в ворота.

Он проходил в узких коридорах штабелей досок и бревен, пробираясь среди расположенных там и сям группы вооруженных людей. И, наконец, выходит на открытый двор. Там, около расставленных в линию орудий, стоят командиры.

Человек направляется прямо к ним. Заметив его, командиры затаили и выткнулись.

— Ну, как? — спрашивает подошедший, и мы узнаем голос Молдавского.

— Все в порядке — ждем сигнала! — рапортует адъютант.

Молдавский делает знак одному из стоящих и вместе с ним отходит в сторону. Свет фонаря позволяет различить знакомое лицо есаула — Ивана Трофимовича.

Молдавский наклоняется к нему:

— Есть новости! Оляна приятная! — Мамонтов только что занял Кривую Музгу! Вторая — северная. Сегодня по приказу Сталена арестованы Алексеев, Носович, Чебышев и Ковалевский! Почти весь штаб!

— Что же делать? — растеряно смотрит на него есаул.

— Действовать решительно и быстро! И к утру стать хозяевами города!

— А как сигнал?

Молдавский переделеру плечами.

— Ждем ровно до 3-х, если сигнала не будет, — начнем сами!

— Сейчас два часа сорок пять минут!

— Значит — через пятнадцать минут! — заключил Молдавский.

Рындин, нетерпеливо вставая в кресле, горлопанирует слова, говорит:

— Обычно панктерство Давыдовой! Угроз Молдавский ведет полк «Грузолеса» на фронт... И, естественно, звел на «Грузолесе» свое вооружение!

Стален движением руки остановил его:

— А кто разрешил ему получить артиллерию?

Рындин пожал плечами:

— Вероятно, Ковалевский или Носович.

Врывается отдаленный свисток маневрового паровоза. Рындин передернулся и рыком встал с места.

— Я сейчас же сам еду на «Грузолес» и выясню обстановку на месте.

Он уже схватился за ручку двери...

— Подождите... — остановил его голос Сталена. Рындин замер, не выпуская ручки.

— Зачем же без фуражки... Теперь можно простудиться! — и нарком протянул расставшемуся Рындину его фуражку.

Рындин схватил ее и почти выбежал из вагона.

Стален повернулся к Ворошилову. Но тот уже держал трубку телефона:

— Артиллерия!

Стален подошел ближе.

— Говорит Ворошилов! Скажите, кто дал вывол на отступ батареи полку «Грузолеса»? Да? Рындин??

Ворошилов пошевелил губами.

— Пархоменко! — позвал он. — Давай на «Грузолес»! Дело явно нечисто!

Руднев держит в руках телефонную трубку.

— Не отвечает штаб Перчихина, Климент Ефремович!

Ворошилов оторвался от карты.

— Значит, они уже атакуют Музгу! Придется подождать, пока...

— Товарищ командир! — вскакивает со своего места Тимофей. — Я попробую по нашему служебному телефону, по фonoпору вызвать станцию «Кривая Музга»!

Стален, сидящий у стола, проводил его взглядом и кивнул Кате: — Хороший старик!

Раскаты вырыва становятся глуше... И мы видим несные фигуры людей, стоящих на штабеле досок. Они напряженно вглядываются в темноту, туда, откуда доносится этот отдаленный грохот.

Молдавский повернулся к есаулу:

— Сигнал дан! Очередь за нами!

Голос его торжественен и глуховат от волнения.

— Открыть огонь!

Адъютант побегал к краю штабеля и, подлив руку с платком, трижды махнул сверху вниз... Секунда тишины... Затем отдаленный голос:

— Огонь!

Ослепительная вспышка освещает стоящих на штабеле. Оглушительный залп орудий...

Есаул мелко перекрестился... Нарастающий и уходящий вальс резкий свист снарядов...

На перроне, около площадки вагона наркома, тесная кучка людей. Тимофей, волнуясь, докладывает Сталену.

Нарастающий вой снарядов покрывает последние слова Тимофеича.

Все поднимает головы.

Они за другим рвутся за станцией снарядов.

— Что ж это? Стреляют никак? — растерянно вскрикивает Тимофей.

Стален и Ворошилов переглядываются:

— Трехлинейные! — констатирует Ворошилов.

Снова свист снарядов и грохот разрывов, где-то по сторону вокзального здания.

— Так я и думал... — спокойно говорит Стален Ворошилову.

— Вот зачем Молдавскому была нужна батарея...

— Товарищ Стален! Вас Пархоменко к телефону! — вскрикивает Руднев, показавшись в дверях вагона.

Стален быстро входит в вагон. Ворошилов и Руднев следуют за ним. На перроне остаются только Катя и Тимофей.

Склонившись к трубке телефона, Стален выжидает ухом левой рукой. Он напряженно вслушивается, затем отрывисто и четко говорит:

— Они уже обстреливают вокзал... Да... Подымитесь коммунистический батальон и ведите его сюда... Да... Пусть все завалы направляют товарищей к вокзалу... Да, конечно, без панки... Хорошо! Действуйте!

Он вешает трубку и поворачивается к напряженно выжидающим Ворошилову и Рудневу:

— Пархоменко не удалось проехать к «Грузолесу»... Они уже подняли восстание... Климент Ефремович...

— Прежде всего надо подавить батарею! — сказал Ворошилов.

Руднев озабоченно мотнул головой.

— Но в арсенале не осталось ни одного орудия! Молдавский забрал последнюю батарею... Может быть, сбить с линии фронта?

И мы переносимся в другую дежурку, на маленькой стеной станции. Здесь во всем чувствуется фронт. Катя, ящики из-под патронов, оружие, раненый боец, переувлажненная себе ногу, прислоненные к стене носилки.

У фonoпору возбужденный, заломаченный, с лицом, запачканным грязью, моряком от дождя и пота, Перчихин:

— Я говорю, я, Перчихин! С Музги! Ну, да! Наша! Только напрягаться обратно кадеты! Силом нет удержат... Проврут фронт! — надрыно кричит он: — Христос богом прошу! Дайте бронепоезд! Измучились все... Сельмую атаку отбояем... И все прут и прут... Дайте бронепоезд!

Ворошилов у фonoпору рукой отбрасывает фуражку со лба.

— Да ты погоди... Не ори — лупок лопнет! Держись, Мартын, слышишь! Можешь ты часок продержаться? Бронепоезд я тебе сейчас вышлю! Продержись часок! А?

Перчихин все еще возбужден, но в голосе у него уже больше уверенности:

— Ну, часок-то, конечно, продержусь... Только бронепоезд поскорее шлите!

Ворошилов облетенно выдыхает:

— Сейчас посылаю бронепоезд!

И вешает трубку.

Тимофей недоуменно смотрит на него:

— Так ведь бронепоезд-то... Как же так получается...

— Правильно получается! — кладет ему руку на плечо Ворошилов.

— Сейчас он здесь нужен! А к нему мы Шаденко пошлем на подкрепление! Кивает он на появившегося Шаденко.

Перчихин, стоя посреди дежурки, — вскрикивает только что врученный ему ординарцем пакет. Хлопает дверь. В дежурку вываливается командир. Видно, что он только что соскочил с коня. Он забрызган грязью, с его фуражки стекают капли дождя.

— Проврут казаки фронт на левом фланге! — кричит он Перчихину.

— Проврут? — обернулся Мартын. — А ты меня не пужай. Проврут? А ты на что? Они их в шуж к чертовой бабушке! И об исполнении донес!

Командир поворачивается кругом и скрывается за дверью... Перчихин устремился за ним...

Небольшая комната какого-то казенного здания. Открытая дверь в коридор заставлена столом, образующим прилавок.

Катя Давыдова и два пожилых рабочих орудуют за столом, выдвывая оружие проходящей по коридору мимо стола очереди. Работа идет быстро, сосредоточенно, без суеты.

Вот Катя передает винтовку подошедшему к столу Спирьке. Спирькин берет винтовку и щелкает затвором, чуть не прицелив себе палец.

Катя передает ему пачку патронов и усмехается.

— Что, кусается? Ничего, научись! Иди во двор, там покажут!

Встрече К. Е. Ворошилова с Лениным и Сталиным в 1906 году на IV (столякомском) съезде РСДРП. Фотографии, диаграммы и картины показывают возвращение товарища Ворошилова из Столякомского лагеря, доставку оружия в Луганск, напоминая о первом столкновении боевой дружины в 1906 году с казаками, пытавшимися разгромить митинг, организованный К. Е. Ворошиловым на Троицкой площади.

Экспонируются донесения и переписка Луганской губернии, департамента полиции и губернатора Екатеринославской губернии, свидетельствующие о жестоких преследованиях революционно настроенных рабочих и особенно К. Е. Ворошилова.

Экспозиция нового филиала Музея революции им. К. Е. Ворошилова завершает показ того, как в 1917 г. луганские пролетарии, воспитанные К. Е. Ворошиловым, стали в первые ряды Красной гвардии и громили белые полчища.

Музей в доме, где жил К. Е. Ворошилов

ВОРОШИЛОВГРАД, 3 февраля. (ТАСС). Близ завода имени Октябрьской революции на улице Металлистов сохранился домик, в котором жил тов. Ворошилов в 1905—1907 гг. Этот домик реставрирован и превращен в филиал Музея революции им. К. Е. Ворошилова.

В комнате, которую в те годы занимал К. Е. Ворошилов, — кровать, стол, керосиновая лампа, стулья, тумбочка; в углу — стол и деревянный сундук, в котором Климент Ефремович хранил книги. На стене висят портреты Пушкина и Шевченко.

В других комнатах дома экспонированы фотоснимки, документы, картины и диаграммы, отображающие жизнь и революционную деятельность К. Е. Ворошилова в 1903—1907 гг.

Документы рассказывают о том, как рабочие завода Гартмана (ныне завод им. Октябрьской Революции) под руководством товарища Ворошилова устраивали забастовки.

Специальный раздел посвящен первой

дизиниз: четвертая и шестая. Занимается бронетанками, броневыми автомобилями, проектирует создание гигантских военно-воздушных сил Советского Союза, товарищ Сталин и товарищ Ворошилов создавали совершенно неожиданный, в тогдальных условиях, план стратегической конницы. И вот, вопреки саботажу троцкистов, возникает эта удивительная военная сила, опрокидывающая белополяков и прославившая несокрушимость советского оружия.

Всюду, куда ни направляла партия Климента Ефремовича Ворошилова, она несла свой большевистский энтузиазм, всю свою могучую волю, все огромные свои военные знания, постоянно проверяемые личным опытом, то в качестве члена Украинского правительства, то в качестве командующего Северо-Кавказским округом, то возглавляя командование Московского Военного округа, то в качестве друга и соратника М. В. Фрунзе, то в качестве наркома по военным и морским делам. Награжденный за боевые заслуги двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, Почетным Революционным Орденом Ордена Красного Знамени и тремя орденами республики и мезалю, Климент Ефремович Ворошилов вошел в семью бессмертных сталинских маршалов. Бриллиантовая звезда украшает грудь шестидесятилетнего Климента Ефремовича Ворошилова. В этой груди бьется нестареющее сердце верного сталинца, твердо, стойко, большевика. Горячей любовью к Родине пламенет ворошиловское сердце и в те дни, когда сталинские рубиновые звезды на башнях Кремля сияют и уверенным сиянием озаряют путь в будущее для нашей страны. В этот день трудящиеся нашей Родины с любовью смотрят на бриллиантовую звезду горячо любимого Климента Ворошилова. Сталинские маршалы показали, что они умеют оборонять нашу великую Родину, построившую единственную в мире, исторически неизбежную, форму счастливого устройства человеческого общества.

А. Виноградов

ЖИЗНЕННЫЕ ВЕХИ

ДЕСЯТЬ лет тому назад Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков обратился со словами приветствия к верному сыну ленинско-сталинской партии Клименту Ефремовичу Ворошилову:

«Партия знает твои боевые заслуги на фронтах гражданской войны. Она знает тебя, как одного из первых организаторов Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Теперь Клименту Ефремовичу исполнилось шестьдесят лет. С любовью и сердечной привязанностью каждый гражданин думает сейчас о том, что в селе Верхнем, бывшего Бахмутского уезда, тогдешней Екатеринославской губернии, в семье шахтера Ефрема Ворошилова родился тот человек, именем которого гордится наша социалистическая Родина. Имя полководца, собравшего в себе лучшие черты, присущие члену великой партии социализма, связывающегося в дальнейшем представлении с той тяжелой жизненной школой, которую прошли с детских лет бойцы и защитники великого дела коммунизма.

Отец К. Е. Ворошилова то работал в подземных каменноугольных городах, то был пастухом, то батрачил у помещиков, то служил сторожем на железной дороге. Мать хлопала на военную работу. Семилетний Клим уже умел помогать семье. На самой опасной работе, там, где страшно и внезапно возникают океаны пожарного огня в колчедановых рудниках, семилетний ребенок должен был, без всякой помощи и надзора взрослых, выбирать «колчедановый остаток», ежеминутно подвергая свою ребячью жизнь смер-

В феврале 1906 г. Климент Ефремович был делегирован луганской подпольной организацией на IV съезд партии, ивеший место в Столякомле в апреле — мае.

В мае 1907 г. Ворошилов едет в Лондон на V съезд партии. А в июле, после того как он уже был делегатом Южно-русской партийной конференции, Климент Ефремович подвергается аресту с последующей ссылкой в Архангельскую губернию. Ворошилов не отдал этих трех лет своей жизни царской ссылке: в декабре 1907 г., после побега, он отдал себя в распоряжение Центрального Комитета партии и был направлен в Баку, туда, где большевистский подпольем руководил великий Сталин. И эта встреча вывела и определила характер Ворошилова как организатора, партизана, как одного из лучших членов военной боевой сталинской семьи.

Было немало тюремных казематов и пересыльных пунктов с этого времени, но вся жизнь Климента Ефремовича проходила в тесном, большом, полномном общении с лучшим другом Ленина, генеральным продолжателем ленинского дела товарищем Сталиным.

В тесной связи с итерскими большевиками Ворошилов после февральской революции работает в Петроградском совете членом бюро фракции большевиков и занимается боевой революционной подготовкой в ротах гвардейского Имашовского полка. В августе Ворошилов, по ренению партии, выстает в Луганске. Там он становится председателем Луганского совета рабочих депутатов. На старом Гартмановском заводе Климент Ефремович организует первый отряд Красной гвардии в 800 человек. И вот наступают великие Октябрьские дни. В ноябре 1917 г. партия назначает Ворошилова комиссаром Петрограда. Фекис-обок и рука-об-руку Ворошилов и Белозерский ведут работу по созданию могучей Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по дознанию. С 18 февраля 1918 г., когда 29 нехотных и 3 кавалерийских дивизии вражески вторглись в Украину,

А. Виноградов

ЖИЗНЕННЫЕ ВЕХИ

ДЕСЯТЬ лет тому назад Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков обратился со словами приветствия к верному сыну ленинско-сталинской партии Клименту Ефремовичу Ворошилову:

«Партия знает твои боевые заслуги на фронтах гражданской войны. Она знает тебя, как одного из первых организаторов Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Теперь Клименту Ефремовичу исполнилось шестьдесят лет. С любовью и сердечной привязанностью каждый гражданин думает сейчас о том, что в селе Верхнем, бывшего Бахмутского уезда, тогдешней Екатеринославской губернии, в семье шахтера Ефрема Ворошилова родился тот человек, именем которого гордится наша социалистическая Родина. Имя полководца, собравшего в себе лучшие черты, присущие члену великой партии социализма, связывающегося в дальнейшем представлении с той тяжелой жизненной школой, которую прошли с детских лет бойцы и защитники великого дела коммунизма.

Отец К. Е. Ворошилова то работал в подземных каменноугольных городах, то был пастухом, то батрачил у помещиков, то служил сторожем на железной дороге. Мать хлопала на военную работу. Семилетний Клим уже умел помогать семье. На самой опасной работе, там, где страшно и внезапно возникают океаны пожарного огня в колчедановых рудниках, семилетний ребенок должен был, без всякой помощи и надзора взрослых, выбирать «колчедановый остаток», ежеминутно подвергая свою ребячью жизнь смер-

Литературная газета

2 № 5

П. ПАВЛЕНКО

Случай на маневрах

Это было несколько лет тому назад на безоружных маневрах. Крупный авиационный десант «красных» спустился на тыловую территорию «синих».

корреспонденции о красивом десанте уже были отправлены. А за ужином в штабной столовой, часа через три после «отбоя», когда шли веселые разговоры о том, будет ли дан банкет иностранным гостям...

А. ГЕРАСИМОВ заслуженный деятель искусств

ВСТРЕЧИ

«И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов в Кремле». Картина художника А. М. Герасимова на выставке лучших произведений советских художников.

Писать Клименту Ефремовичу Ворошилову мне приходилось не раз. Но если бы я знал о нем только то, что знает каждый гражданин нашей страны, мне, пожалуй, было бы очень трудно справиться со своей задачей живописца.

Климент Ефремович остановился близко около меня и сказал: — Знаете, я на войне много всяческих видов переживал. Разные бывали события и положения. Война — жестокая вещь.

Ленина я видел едипственный раз в своей жизни, да и то издали. Естественно, что в процессе моей работы возникало много трудностей. В особенности мне не давалось выражение рта Владимира Ильича.

Александр ЯШИН

ЛЕГЕНДА О ВОРОШИЛОВЕ

«На Мезени было, На Мезени Небогата на Мезени зелен, Зубюности узкие дорожки, Но красны болота от морозки».

Он пошел лесною целиною, Подымался ельнички стеною. Он зверей закидывал камнями, Деревя вытаскивал с корнями.

Советские художники — Маршалу К. Е. Ворошилову

По инициативе московских художников организуется выставка произведений живописи, графики, скульптуры и художественных ремесел «Советские художники Клименту Ефремовичу Ворошилову, ко дню его шестидесятилетия».

привлечены также мастера Мстера, Холма и Феодосия, а также ковровщики, мастера по изготовлению художественных изделий из стекла, фарфора, металла и т. д.

Второй раз, тоже в связи с портретом, который я писал, я посетил Клименту Ефремовича в конце февраля на его загородной даче. Стоял чудесный февральский лазоревый день.

Когда в 1935 г. я уезжал за границу, Климент Ефремович спросил меня о моем маршруте: — Хочу главным образом посмотреть искусство Франции и Италии.

Я никогда не видел человека такой светлой, отзывчивой, доброй души, как Климент Ефремович Ворошилов.

Нынче да дорога — славная, Маршалской дорогу называют. Ехать под елью камень, Мхом поросший, И на камне — След его подковы.

Всеволод ИВАНОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ

СЦЕНЫ ИЗ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ ПЬЕСЫ «ПАРХОМЕНКО»

Ростов-на-Дону. У ворот тюрьмы. Небольшая площадь, мощенная булыжником. Шаги по ней гулки и торжественны, так как домики тесно окружают площадь.

ПАРХОМЕНКО. Первый и второй дивизионы! ГАЙВОРОН. Первый и второй дивизионы! ПАРХОМЕНКО. Ватарея имени Карла Маркса! ГАЙВОРОН. Ватарея имени Карла Маркса-а!

ПАРХОМЕНКО. Может быть, пролетит? ПАРХОМЕНКО. Если первоначально отклоненная картина спорохла, лицо Клименту Ефремовича изобразилась той чудесной улыбочкой, так много говорившей каждому, кто ее видел.

ПАРХОМЕНКО. Мое и самому противно, что провинорил! ПАРХОМЕНКО. Конечно, провинорил! ПАРХОМЕНКО. Конечно, провинорил!

КОМАНДАРМ. Нет, друзья. От Махны сейчас только отмахнемся, а ударить должно быть, придется на пана. Сталин говорит: накличет пан беду себе на шею, напрасно ершится, на Украину зартится.

Образ советского человека в современной прозе

Из доклада П. Павленко и Ф. Левина на открытом собрании партийной организации Союза советских писателей

Наш доклад, товарищи, имеет своей целью не вообще рассказать о событиях в прозе за последние три года, а выделить тему современности и показать, что произошло за последние три года в произведениях, посвященных нашей современности в самом непосредственном смысле слова.

Нам хотелось бы по возможности резко обозначить именно этот участок литературы, как наиболее неблагоприятный.

Вообще-то говоря, за последнее время советская литература обогатилась многими значительными произведениями. За эти годы вышла и последняя книга «Тихого Дона» Шолохова, произведение, бесспорно выдающееся, и «Севастопольская страда» Сергеев-Цюцюка — фундаментальная историческая эпопея, ярко рисующая героизм народа, обреченного на гибель, и «Люди из захолустья» Малышкина, и «Стенная Колыхунья» В. Прохорова, и «Дарюченко» Ю. Иванова, «Два капитана» Каварина. Была и третья книга Фадеева «Последний из утроб», Катаява — «Шел солдат с фронта».

Так что эти годы были довольно урожайными годами в нашей литературе. Но обо всех этих книгах можно и не говорить в нашем докладе. Повторяю, он имеет своей целью рассмотреть только современную тему в нашей литературе на материале русской прозы. Мы не включаем сюда ни драмы, ни поэзии, мы ограничимся только исключительно прозой на русском языке.

Больше того, — чтобы наш доклад имел четкие границы, мы положили в основу обсуждения только книги, вышедшие в достоянии массового читателя, допустив лишь отдельные исключения.

И еще приходится сделать одно необходимое замечание. Мы рассматривали не вообще образ советского человека, как он создавался литературой на протяжении десятилетий — человека времен гражданской войны, восстановительного периода и начала индустриализации, а образ советского человека последнего десятилетия, начиная с 1930 года.

Вера книги, вышедшие за три года, мы полагаем, что безусловно, можем в них найти отражение событий нашей действительности по крайней мере за десять лет и проблематику этого периода.

За три года вышла 91 книга. Рассмотрев их под углом зрения нашего доклада, мы принуждены были сократить этот список, так как среди книг, посвященных нашей действительности, много было, так сказать, условно современных книг, т. е. настолько неважно трактуемых описательных событий и людей, в них действующих, что они ни в какой мере не отражали советской жизни в ее конкретной сущности.

Такова, например, книга Лидии Платоновой «Однушке мальчишка». Книга посвящена как бы очень важному вопросу — семейным отношениям в рабочей семье, но по существу стороной обходит эту тему.

Язык этой книги так плох и небрежен, что трудно говорить о ней, как о художественном произведении.

Когда рассматриваешь деятельность отдельного писателя и видишь в нем интерес к эпохам, удаленным от сегодняшнего дня, то нет решительно никаких оснований предлагать ему счет в том, что он не пишет о современности. В объективности, если его творчество и на материале прошлого содействует коммунистическому воспитанию сегодняшнего читателя, расширяет круг его знаний, по-новому вооружает его историческим опытом.

Но когда мы рассматриваем целый период литературы или отдельные ее участки и пытаемся на плохое состояние определенной темы, ее малую урожайность, ее невысокое качество по сравнению с другими темами, то здесь, даже не желая обидеть каждого в отдельности, мы обязаны предлагать счет всему нашему периоду литературы и постараться выяснить причины этого явления, чтобы мобилизовать общие наши усилия на самом неблагоприятном участке. В искусстве, надо полагать, нет плохих тем, а есть плохие книги, и все же мы не сделаем ошибки, если скажем, что книга, борющаяся за современность, ставящая или решающая вопросы непосредственно о жизни опыта, будет для нас самой желанной и нужной книгой.

В поисках книги о безусловно современной актуальной темой мы должны были остановиться не более, чем на полсотне книг. Рассматривая их под углом зрения темы, которой они посвящены, можно заметить интересное явление: большинство книг нашего периода посвящено целиком или частично Северу, освоению Севера и жизни народов Севера. Таких книг около 20. Следующей тематической группой является тема деревни и колхозов. Таких книг 11. Красной Армии и обороны уже меньше книг, около 10, о рабочем быте, соревнованиях, росте нашего рабочего стахановского движения всего 6 книг, остальные книги принадлежат к темам, подобным теме Лидии Платоновой. Это просто ни о чем, там есть все и ничего.

И еще одно интересное наблюдение удалось нам сделать: из полсотни наиболее интересных книг 15 написано не профессионалами, а так называемыми бывальными людьми: Кренкелем, Балдуковым, Расковой, Карменом, Семухинским. Большинство из них посвящено Северу, освоению Севера и жизни народов Севера. Таких книг около 20. Следующей тематической группой является тема деревни и колхозов. Таких книг 11. Красной Армии и обороны уже меньше книг, около 10, о рабочем быте, соревнованиях, росте нашего рабочего стахановского движения всего 6 книг, остальные книги принадлежат к темам, подобным теме Лидии Платоновой. Это просто ни о чем, там есть все и ничего.

Если же мы вспомним, что произошло за последние семь-восемь лет, то должны будем признать, что тема освоения Севера — при всей ее несомненной важности — является не самой главной для нашей страны.

В стране происходили огромные сдвиги. В докладе о Конституции товарищ Сталин говорил о том, что рабочий класс у нас — это уже не старый рабочий класс, что и крестьянство у нас — новое крестьянство, что и интеллигенция у нас — новая интеллигенция.

За последние годы в рабочем классе происходили чрезвычайно важные и сложные процессы роста: стахановское движение, движение многотачников, совмещение профессий, намечалась грандиозная проблема резервов, по-новому ставшая рост и формирование нашего рабочего класса.

Возникли новые вопросы в связи с развитием стахановского движения, появились новые формы сопротивления ему, появились новые трудности. Исходящие из недостатка кадров, их текучести, по-новому в развитии техники. Все это нашло свое выражение и отражение в целом ряде решений партии и правительства.

Возникли новые вопросы в связи с развитием стахановского движения, появились новые формы сопротивления ему, появились новые трудности. Исходящие из недостатка кадров, их текучести, по-новому в развитии техники. Все это нашло свое выражение и отражение в целом ряде решений партии и правительства.

Возникли новые вопросы в связи с развитием стахановского движения, появились новые формы сопротивления ему, появились новые трудности. Исходящие из недостатка кадров, их текучести, по-новому в развитии техники. Все это нашло свое выражение и отражение в целом ряде решений партии и правительства.

Возникли новые вопросы в связи с развитием стахановского движения, появились новые формы сопротивления ему, появились новые трудности. Исходящие из недостатка кадров, их текучести, по-новому в развитии техники. Все это нашло свое выражение и отражение в целом ряде решений партии и правительства.

Но накапливались явления эти издавна, годами, и раньше, чем они нашли свою характеристику в правительственных мероприятиях они долгое время были конфликтами низовой жизни, были мимолетными и незаметными происшествиями и случаями до того, как переросли в явления.

Много нового накопила и колхозная жизнь.

Иначе встала проблема богатства и бедности колхозной жизни, бедность превратилась в нечто мало достойное, похороше, а богатство стало качеством положительным.

Чрезвычайно интересные события намечались в области переселения крестьянства, в освоении новых земель. Форма переселения на Дальний Восток приобрела новый характер, старые колхозы России и Украины стали спонсировать от себя молодые филиалы на Дальний Восток и брать над ними шефство и материальное и культурное, снимая с плеч государства расходы по переселению.

Возникло новое движение, провозглашенное ферганскими колхозниками, поставившее вопрос об участии колхозов в государственном строительстве каналов, дорог, волею на свой счет, на свои средства, причем это возникло не как трудовая повинность, а как почетное движение передовиков. Ферганский почин мог родиться в условиях важной колхозной жизни — и не раньше.

Перечисленные явления жизни при всех их положительности и прогрессивности не происходили и не осуществлялись легко и бесспорно гладко. Раньше, чем какое-либо правительственное постановление подготавливало и ставило новые задачи, задолго до этого в самой жизни происходили конфликты, столкновения, борьба нового со старым, победа нового проходила в какие-то количественные и качественные изменения, и все это отражалось в человеческом сознании и отражалось в человеческих судьбах.

Если под углом этих событий внутри и вне Советского Союза мы рассмотрим книги нашего периода, то надо признать, что мы не найдем в них и доброй половины явлений, характеризующих нашу эпоху.

Если бы будущий историк вздумал восстановить наше время по художественной литературе, по прозе этих трех последних лет, то он должен был бы сказать, что главное, чем запомнилась страна в эти годы, это — освоение Севера.

Большинство авторов северных книг, не говоря о самих участниках событий, которые рассказывают о пережитом, нашла здесь возможность показать во всей силе и трудности рост человека и формирование характера, суровые испытания в борьбе с природой, умение преодолевать препятствия и покорять природу, то есть здесь самый материал помог показать человека, его волю, мужество, отвагу и стал служить для литератора заместителем жизненного конфликта, без которого не может быть литературного произведения и которого автор не умел или не хотел найти в повседневной «кухонной», бытовой жизни какого-нибудь московского завода, ростовской коммунальной квартиры или украинского колхоза.

Для читателя книги эти чрезвычайно полезны, интересны, романтичны, в них привлекательны превосходные знания быта и действительности, в которых действуют персонажи, правдивость повествования и невыдуманность обстоятельств. Но трудность роста и развития в них чаще всего сведены к одной большой трудности — борьбе со стихией.

В этом разделе первенствующее значение принадлежит именно книгам бывальных людей: Кренкеля, Балдукова, Семухинского. Очень приятно, что в ряде этих книг оказалась на одном из самых первых мест книга профессионального писателя Бориса Горбатова «Обыкновенная Арктика», книга, еще мало изученная критикой. Горбатов сумел рассказать нам о льдах Севера с той предельной правдивостью, которая действует на читателя, как сильнейшее художественное средство.

А как обстоит дело с книгами о деревне, о колхозе?

У нас много говорили о книге Тарасова «Крупины зверь», и говорили похвально. И действительно, когда берешь ее отдельно, вне связи с общими проблемами деревни, то она как произведение оставляет очень приятное впечатление. Автор знает лес, любит природу, владеет своим — и хорошим, образным — языком. Здесь есть чувство лирика, поэзия, и хотя конструкция, композиция его произведения рыхла, распылена, несколько бесконечна, но драматична, интересно бесконечно, и автор это почувствовал, потому что читатель может быть увлечен другими достоинствами повести.

Но если взять эту книгу в ряд других произведений и в свете поставленной нами темы, то оказывается, что советский деревня в ее сегодняшнем развитии в книге нет, и нет там подлинной жизненной борьбы, а следовательно, не может быть и подлинной победы.

Серьезная борьба и жизненная картина раскрытия враждебной действительности сведены в этой повести к случайности, благодаря которой распутывается весь уклад произведения.

Таким образом, настоящего, жизненно, социального конфликта в повести, по существу, нет. Следовательно, нет и борьбы. А это значит, что там нет и победы. События не имеют там ни своего начала, ни своего конца. Это большой отрывок из вневременного романа и отрывок, наименее действенный, наименее драматический.

Но, может быть, никакой борьбы вообще не было за это время? Нет, она была. Но, может быть, жизненные конфликты были невелики, может быть, их нужно было бы с великим трудом извлекать из глубины жизни? Тоже не так. Ну, а если бы даже их пришлось искать под пластом идеологического бытия? Разве не стоило бы поискать?

По этому поводу у Пеханова есть очень интересная мысль:

«Если бытовая жизнь по временам не представляет случаев для борьбы, то здесь надо изобрести; человек, обладающий этой изобретательностью, и есть художник».

Да и нужно ли было изобретать? Стоит прочесть небольшой очерк Овечкина о колхозной деревне, как мы увидим, что эти конфликты и повседневной борьбе советской деревни за социализм — сколько угодно. И все это — не голая схема, судьбы живых, социальных людей.

Вспомните его вещь «Гости в Стужах» («Красная нива» № 7-8, 1940 г.).

Тема очерка — соревнование двух колхозов. Бригада из одного колхоза приезжает в соседний колхоз проверить его достижения. Сколько здесь драматически

31 января в кинозале Союза советских писателей началось открытое собрание партийной организации ССП, посвященное образу советского человека в современной прозе. Кинозал не мог вместить всех собравшихся. Это и естественно. Образ советского человека в книгах советских писателей — один из жгучих вопросов литературы.

С большим докладом об образе советского человека в современной прозе за последние три года, подготовленным совместно П. Павленко и Ф. Левным, выступил П. Павленко.

Прения открыл критик В. Гоффеншпер. Кроме него, в первый вечер выступили Л. Лагин, П. Скорыев, Ю. Крымов и Н. Болды.

Сегодня, в 7 часов вечера, продолжилось собрание.

Сколько интересных конфликтов и настоящих жизненных споров. Какие великодушные фигуры людей, скажем, Капитана Ивановича Печерицы, Михаила Коржова, Абрамыча Иванова и др.

В том же номере у него помещен очерк «Без роду, без племян», где автор рассказывает нам о колхозниках — брахмачарушественниках из Сибири, приехавших в Сочи за длинным трудом. Сколько новых красок у него в характеристике колхозников и какая интересная натура. Не все жили в полном смысле слова. Но это просто любители легкой жизни, любители пожить в хорошем климате, они тоже за достижения колхоза, они хотят богатой жизни, культурной, но они не намерены прозябать в плохих колхозах, они только не хотят превращать бедные колхозы в богатые, они сразу хотят жить в богатых, они хотят притти на готовое.

Или очерк Овечкина в той же «Красной ниве» за 1939 г. — «Просквоя Максимовна». Это великолепный портрет колхозницы-ударницы, чрезвычайно великодушный у себя в колхозе за ее дрянной, скучной жизни. И вдруг какая богатая, светлая, можно сказать, подвижническая фигура рисуется нам за внешностью этой молодой пожившей женщины, действительно, повидимому, неуязвимой, действительно бесконечной и весьма неприятной в жизни.

Конечно, язык Овечкина суховат, фразеологическая часть по-прежнему нерычливая, и в этом смысле Тарасов безусловно стоит намного выше, но в отношении агитационном, в политическом наполнении вещь Тарасова, к сожалению, не может идти с ним ни в какое сравнение.

Молодой и неопытный Овечкин представляет перед нами, как активный общественный деятель, кровно заинтересованный в том, что происходит сегодня в колхозе и вокруг него.

Или возьмем фактографическую повесть Емельяновой «В Уссурийской тайге». Она скромно названа «Записки геолога». Но какие же это записки? Смотрите, как она начинается:

«Из-за откинутого края палатки видно длинное, блестящее от дождя бревно. Оно лежит поперек входа, в двух шагах от палатки. На нем забытая деревянная ложка, полная дождевой воды. Она покачивается от падающих в нее тяжелых капель и выплескивает через край воду. За бревном — черный залитый кустер».

Это повесть о том, как на Дальнем Востоке егерь, ученые и хозяйственники организуют заповедник. Каюда было бы, совершенно провинциальная тема: деревья, птицы, ручейки, камешки, мох, и Емельянова, несомненно, училась у Пришвина, но она пошла дальше своего учителя в умение связать природу с живой человеческой жизнью.

Каюда было бы, в «Записках геолога» могло быть не уделено внимания ни строительству домов, ни взаимоотношениям между рабочими и дирекцией, ни бытовым экзотикам, а между тем, все это у нее есть, потому что работа ее, геолога, тесно связана со всеми другими сторонами живой практической жизни и советского строительства.

И хотя повесть эта, так же, как и очерки Овечкина, страдает еще длиннотами и неуменем композиционно все расчленил, неуменем или желанием закончить начатые характеры, как бы прикрываясь формой записок, тем не менее мы должны сказать, что это произведение — поистине талантливая, яркая, хотя и с заметными литературными недостатками.

Как и в первом разделе Севера, тут самыми действенными книгами являются книги Овечкина и Емельяновой, т. е. опытные книги бывальных людей, людей непосредственного, живого опыта.

Оборонная книга за три года наиболее ярко представлена Динским в его книгах «Патриоты» и «Командант Пичего остров».

И тут мы приближаемся к самому центральному вопросу нашего доклада — о героях книг, которые были бы любимы, которым хотелось бы подражать.

Но раньше, чем перейти к этому, нам придется остановиться на разделе о рабочем классе.

За последние три года тема роста и формирования заводского рабочего класса, роста социального рабочего было посвящено очень мало книг, и в большинстве своем являющиеся книги — плохие, невнятные, серые.

Лучшей книгой, посвященной вопросам стахановского движения, является книга «Танкер «Дербент» Крымова. Герой этой книги Басов как раз и является таким героем, которого любил.

«Танкер «Дербент» — счастливые исключения. Я не буду рассказывать о событиях, они всем известны и все, очевидно, читали эту книгу. Нужно только напомнить главное достоинство этой повести — это образ стахановца Басова. Этому человеку мы сочувствуем, мы следим за его усилиями превратить команду танкера «Дербента» в единый коллектив, сделать судно передовым. Басов становится для нас близким человеком. Мы хотели бы участвовать в его деле, помочь ему, разделить его успехи, т. е. в конце концов мы хотели бы быть Басовым, потому что мы успели полюбить его».

Таких героев в книгах, вышедших за последние три года, весьма немного и даже, скажем, совсем мало. Вот Басов — Крымова, Прасковья Максимовна — Овечкина, командант Пичего острова — Динского, многие герои Горбатова и, наконец, все решительно бывальные люди, авторы и ге-

рою своих собственных произведений и своих судей.

Но всего этого недостатка, особенно когда мы вспоминаем героев нашей гражданской войны — Левинского из «Растрова», Павла Коржанина, Чапыга — Фурманова, Кожуя из «Железного потока», Мелехова и Кожеева из «Тихого Дона».

В чем же причина того, что за последние три года, прожитых страной в необыкновенно сложной обстановке, с грандиозными успехами во всех областях строительства социализма, в книгах нет тех людей, которые все это создавали, людей, которых можно было бы назвать подлинными героями нашего времени? Почему большинство книг занято как бы ограниченными темами, лишь стороной, наемом касаясь основных, важнейших вопросов нашей жизни? Почему нет сильных страстей, глубины, размаха человеческой деятельности в условиях жестокой борьбы за построение коммунистического общества? Почему нет искренних человеческих чувств, слез, смеха, подлинного страдания человека, почему все трудности роста превращаются в мифаж, в нечто абстрактное, нежное и абсолютно несущественное?

Небольшой рассказ Кнорре «Твоя большая судьба» представляет счастливое и радостное исключение, потому что мы давно уже не читали о человеке, борющемся с подлинным жизненным конфликтом и побеждающим этот конфликт, побеждающим чрезвычайно правдиво, о громадных трудностях, отчаянии и оптимизме конца рассказа органически связан с общим характером события и вызывает в нас чувство уважения и любви к герою.

Пожалуй, о рассказе нет двух мнений, но вот, к сожалению, среди читательских отзывов мы натолкнулись на глубоко-мысленные соображения некоего Сафеева, о котором известно, что он комсомолец и редактор (где редактор и чего редактор, мы этого не знаем), но это человек, в каком-то отношении близкий к вопросам грамотности и словесности. И вот что он пишет:

«Еще лучше — говорит он, — еще реальнее было бы, если бы Кнорре сумел показать патриотизм жены боевого командира, если бы Варя, вместо того чтобы зарывать Смита и Вессона для самоубийства, зарыла его для врагов родины, за которую храбро погиб ее муж».

Но у автора Варя, когда она возвращается из летнего, почувствовала себя отдаленно от всех, не почувствовала, что за ней советская партия, за ней весь советский народ.

Тов. Кнорре представляет Варю как типичную мешанку, оторванную от реальной жизни, замкнутую в четырех стенах комнаты.

Если т. Кнорре думает переживаниями Вари усилить ненависть к самуракам, которые убили ее мужа-командира, то это, конечно, смешно. Над такими творческими «судейскими» повестями Кнорре читатель будет смеяться».

Как могло возникнуть такое извращенное понимание ясной, чистой, глубокой, оптимистической вещи? Только потому, что читатель отвык от слез и смеха в литературе. Мы отучили его погрузиться в психологическую жизнь героя, в его радости и страдания. И он уже никогда не плачет о погибшем родном человеке — мешанство. Чем же мы отучили читателя от понимания явлений душевной жизни? Схематичностью своих произведений. Мы строим свои книги не на духах людей, а на готовых событиях, забываем, что там, где нет характера, там нет и события».

Книги наши написаны большей частью поспешно, у нас не находится времени для того, чтобы рассказать, что делается на душе у героя. В этом отношении чрезвычайно характерна книга Кратца «Золото», сама по себе не плохая, а местами даже чрезвычайно интересная. Она пытается охватить в своих двадцати-тридцати печатных листах столько событий и людей, что их с избытком хватило бы на пять романов. Уплотненная до одной книги, жизнь выливается, как очень читабельные, местами авантюриный роман со многими убийствами, несчастиями, вредительствами, почти никогда не возмущаясь, не тревожащими, похождениями на театральных эффектах. Автор действует в глухой тайге с ее могучей властью природы, но и природы нет в книге. Не до нее, Некоса. Герой действует в условиях злого зловещего предательства, но автор выдает нам только результаты его, умалчивая об истоках, началах, конце, опуская ход нарастающего предательства. Потому что опять некогда и некогда.

Греховное желание написать все события от сотворения мира в одной книге ведет автора, как цветковская «Амон». А жизнь просто-напросто не помещается в его книгу. Жизнь требует от автора еще 2—3—4 лет работы и большого полотна».

Отвечить на вопрос, в чем же причина неудач, мы можем, лишь поставив перед собой позитивный вопрос — каковы главные задачи художественного произведения? Мы отвечаем: воспитание большевистского характера! Воспитание людей закаленных, отважных, не отступающих перед трудностями, умевших в трудных обстоятельствах не паниковать, как говорил Макаренко, людей, умеющих жить полной душевной жизнью, подобно людям Возрождения, о сильных страстями, высокими идеалами, людей, которые способны и на глубокое страдание и на большую

радость, а вовсе не мелеховых, которым обычные человеческие чувства не доступны, которые от них заборонированы и которые существуют только как материал для сводов о победах.

Если таким образом художественного произведения, то мы легко сможем ответить на вопрос — в чем причина неудач? Неудача, нам кажется, в том, что таких задач авторы последних лет перед собой и не ставили. Нельзя поставить такие задачи, не будучи в качестве материала настоящие, глубокие жизненные конфликты нашего времени. Все, что идет стороной, обрывает образ самого героя на художеское, на мертвенность, на условность. Нельзя развернуть характер, если не поставит его в условия, в которых он только и может развернуться.

Но тут возникает второй вопрос — а почему же мы не ставим себе подобных задач? У нас стала формулироваться даже особая теория о бесконфликтности, о жизни, легкой, как дыхание, о пережитых конфликтах, сложился взгляд, что конфликты присущи прошлым эпохам и прошлым периодам, что в бесклассовом обществе, которое мы создали, конфликты исчезают и заменяются случайными или временными недоразумениями, легко выяснимыми авторами без всякого труда для них и действующих лиц и, признавая, без всякого интереса для читателей.

В качестве примера такого бесконфликтного, лишнего драматизма произведения можно привести ту же Платонову и книгу Фраермана «Дикая собака Динго», в которой конфликт есть, но он совершенно приглушен и смягчен автором, и все сводится к тому, что любовь побеждает все. Это своеобразное преломление теории Фейербаха, что, может быть, и заманчиво, но совсем неверно.

По существу, нет конфликта и у Тарасова, и у Дмитриевой в «Дружбе», нет его и в «Буйных травах» Егорова, нет его и в «Прине Годунова» Митрофанова, ни в «Санатории «Артур» Федина, книге высокого таланта, написанной удивительным языком, в произведении, которое могло бы стать примером для молодого поколения начинающих литераторов, если бы оно было посвящено советской действительности. Ее советский характер усвоен и выражен лишь в одной фразе. Не будь этой одной фразы, мы никогда не узнали бы, к какой эпохе относится это произведение.

Но, может быть, правы товарищи, высказывающие мнение о бесконфликтности нашего времени? Есть ли в нашей действительности конфликты в том их понимании, как понимали их классики, т. е. конфликты, которые являются не просто недоразумениями, а вытекают из сущности жизни и могут быть преодолены только в результате упорной и последовательной борьбы за личность, за свое дело, за оплотнение идеал, зашифрованному личностью во всей своей страсти, всей своей силой.

Да, эти конфликты есть. Разве борьба советских людей с капиталистическим окружением не создает нам конфликтов, начиная от чисто деловых, социальных, религиозных, кончая глубоко эмоциональными? Разве пережито капитализмом в сознании людей и борьба с ним не порождает бесчисленных конфликтов в области общего поведения и морали человека?

Товарищ Ленин и раскаянность, выходящая от чисто деловых, социальных, религиозных, кончая глубоко эмоциональными? Разве пережито капитализмом в сознании людей и борьба с ним не порождает бесчисленных конфликтов в области общего поведения и морали человека?

Правда, мы должны отметить, что за последние годы выдвинулось очень много молодых писателей, новых имен, и много вышло первых книг, являющихся только началом свежих творческих путей. Егоров, Крушинский, Мельников, Крымов, Кнорре, Овечкин, Емельянова — это хорошие силы.

Однако следует помнить, что в течение трех последних лет современной темой не занимались виднейшие советские писатели, она осталась вне поля их зрения, потому ли, что они были заняты другими темами, или потому, что за эти годы они ни с чем не выступили, — не знаем. Но если посмотрим, как работает наши так называемые «старые» и наши так называемые «молодые», то сразу бросается в глаза отсутствие профессионализма у авторов молодых книг. Правда, оно компенсируется прекрасным знанием материала, чувством нового и открытой тенденцией произведения.

Книги более опытных литераторов, выходящие в языке и композиции, в чисто литературных достоинствах, почти как правило, лишены остроты в политическом отношении, из-за недостаточности чувства нового, из-за некоторой оторванности от будущих дел страны. Считаю себя вполне осведомленным в основных генеральных вопросах советской политики, иной писатель часто находит это вполне достаточным, считает, что это и есть понимание советской действительности и что теперь, раз он согласен с основным указаниям советского правительства, ему незачем интересоваться работой колхозного бухгалтера или заводского специалиста, и все характеры своих героев он выводит из этих общественных или политических положений, он думает о них в образе, а не от образа восходит к идеям.

Очевидно что известная мысль товарища Сталина о сочетании старых и молодых кадров в одном общем труде, рукоприкладном государственной и хозяйственной работ, имеет отношение и к писательскому кадру, где нужны взаимная связь и взаимная учеба.

И, наконец, последнее: нам кажется, что сейчас с особой остротой стоит вопрос об изменении писателем всего стиля его работы.

Стиль есть результат идей, а не слова. А стиль выскзался о стиле так: «Основное правило стиля — это иметь в виду только мысль, которую хочешь вылить в голову, и следовательно, иметь эту мысль».

В нашей советской действительности успех ожидает не мечтателя, а работника, создателя. У нас эпоха создания. Вообразить нашу действительность, будучи далеким от нее, нельзя. Нужно принимать в ней деятельное, активное, творческое участие. Нужно быть следователем или исследователем жизни и только в ней одной находить свою победу.

Хочется привести напоследок очень хорошую мысль Стеддаля:

«Недостаточно того, — говорит он в «Истории живописи в Италии», — чтобы были дарования. Надо также, чтобы общественное мнение современников указало на творческие условия подлинно прекрасное». Мнение наших современников, строящих коммунизм, давно указало нам это подлинно прекрасное.

Поставка нашего доклада и имеет своей целью создать наше собственное общественное мнение вокруг современной темы и направить наши дарования на решение этой важнейшей писательской задачи, где и ждет художника подлинно прекрасное.

В только что выпущенной Детиздатом книге «Рассказы об элементах» нам хотелось бы отметить не единственный успех автора И. Нечаева, а новый шаг в том единственно верном и нужном направлении...

Книга состоит из шести самостоятельных повестей. Они замыслены в широком философском плане. В каждой из них речь идет о поисках единства и простоты, которые скрываются за великим разнообразием явлений природы. В данном случае имеются в виду не только поиски общих закономерностей, как, например, периодического закона, сделавшего картину материального устройства вселенной ясной и определенной...

Но путь к научному обобщению идет от наблюдения, от опыта. И конкретная, живая, подчас драматическая и всегда увлекательная история поисков некоторых из существующих 88 сортов атомов составляет главный предмет книги И. Нечаева.

Человек постепенно узнавал, почему гаснет огонь в закрытой колбе. Он узнал, что воздух бывает мертвым и бывает воздухом живой. Много лет тому назад ученый шведского аптекаря Шееле ворвался к своему хозяину и напугал того, порывая пустой банкой и крича: «Огненный воздух! Огненный воздух!» Это он открыл существование кислорода. Мир открывается все шире. Человек продолжает узнавать, и вот уже оказывается, что в состав обыкновенной поваренной соли входит металл, который «в воде не тонет и на льду горит».

В книге И. Нечаева все это является не простым перечнем результатов какой-то неведомой читателю борьбы. «Рассказы об элементах» — это рассказы о реальных приключениях человеческой мысли в лаборатории. Закрыв книгу, юный читатель начинает понимать, что открыть состав земного шара было несколько не легче, чем открывать на нем новые материи, океаны и острова.

Для общего уровня книги показатель

рассказ о Лавуазье. Смысл этого рассказа не только в том, что здесь показано, как впервые была дана научная оценка известной роли «огненного воздуха» — кислорода. Это рассказ о победе факта, эксперимента, являющегося первоисточником обобщения и критерием его истинности. «У Лавуазье была замечательная особенность, который сильно помогал ему в работе. — пишет И. Нечаев. — Собственно говоря, Шелле и Пристли тоже имели такого союзника, но они не всегда пользовались его услугами и не полагались большого значения его советам. Главным помощником Лавуазье были... весы». Веса начинаются победоносное вступление в научную книгу для детей измерительных приборов — орудий труда исследователя. За ними появляются спектроскоп и другие приборы. Эти приборы показаны в действии. Нечаев не просто излагает те принципы, на которых они основаны, а рассказывает, как они создавались и как с ними работали исследователи.

Избегая чисто внешних описательных характеристик, И. Нечаев шлет единоразом с главной трудностью, перет которой останавливались уже столько авторов! Он стремится воспроизвести логическое естественное развитие, если разговор зашел о теоретическом новаторстве (как, например, о рождении гениальной догадки Менделеева, огромным усилием творческой мысли пришедшего к созданию периодической системы элементов), либо он восстанавливает ход эксперимента, развитие конкретного опыта, реальный путь поисков.

В книге И. Нечаева почти нет приключеских отступлений от основной темы. Единственное, что он разрешает старому хитрому «огнеупорному» рукам Роберту Бунзону, — это вспомнить, стоя на пороге открытия нового элемента цезия, давным давно забытую, в далеком детстве прочитанную историю Колумба.

Как известно, в 1492 г. кастильский адмирал отправился на утлой каравеле в неизвестный океан.

«Тридцать три дня моряки видели лишь небо да воду... И наконец, однажды ночью в безбрежной пустыне океана Колумб вдруг заметил вдали на западе бледный огонек».

Этот слабенький, робкий сигнал с неизвестной земли, как он растрогал сурового адмирала! Колумб стоял на носу каравельки, и слезы умления текли по его щекам.

Мечтой и пылким своим воображением он силится преодолеть тайну ночи.

Что было там, на неизвестной земле, где мерцал слабый свет? Равнина или горы? Какие чудеса таились во мраке?... Подобно Колумбу, и Бунзен с волевым наблюдает два чистых, как небо, голубых дуга, которыми с помощью спектроскопа сигнализировало о себе новое вещество, скрывавшееся в капле минерализованной воды из местного источника.

Но для стиля книги характерно не это отступление (само по себе вполне уместное), а вывод из него. Нечаев тут же иронически предупреждает, что гейдлербергский химик мало походил на пылкого и чувствительного моряка Колумба. Глаза его были «сухи, когда он наблюдал в спектроскоп сигналы неизвестного вещества». Открывая в дюркгейльевой воде редкий металл цезий, — подчеркивает Нечаев, — Бунзен не думал также о том, что новый элемент «когда-нибудь удастся применить для телевидения, для фотоэлементов, о которых тогда и мыслей-то не было».

Почему же мы все-таки следим за его работой с таким напряжением? Да потому, что книга не издалека нас манит достижениями ученого, а ведет в самую лабораторию, позволяя вместе с ученым пережить горечь ошибок и счастье заслуженных удач. Она наполнена подлинной романтикой труда.

Природа ревниво хранит свои тайны. Их разоблачение сопряжено с громадными трудностями. Хэмфри Дэви проявил достойные их упорство, обдурив все-таки известные металлы — калий и натрий. Огромную волю читатель начинает уважать в Марии Кюри, добывавшей первые миллиграммы радия в холодном саду — неустойчивой колыбели великих открытий. С неослабевающим вниманием следит читатель за многомесячным самоотверженным трудом Бунзена и Кирхгофа, Рэйли и Рэмзая.

Воспитательное и познавательное значение книги И. Нечаева тем больше велико, что автор, несмотря на отмеченную сдержанность ироники, целиком выполняет следующее важнейшее требование к научно-популярной книге: она не должна быть скучной! Многие рассматривают заимствованные изложения, как вставка чуждого читателю для утилитарности. Но это глубоко неверно! Речь должна идти совсем не о подделывании «горького корня науки», хотя бы потому, что он совсем не так горек, как его представляют себе авторы прошедшей. О времечке они

обычно судят по учебнику. Но, в сжале, учебники пишутся как-то особенно скучно. Они всегда скучнее, чем самый предмет.

Главное же то, что через один только учебник вообще нельзя постигнуть науку. В вузе, в школе работа над учебником сочетается с лекциями, работами в лаборатории, с решением практических задач и т. д. В самообразовании популярная научная книга играет решающую роль. Она помогает пролупить, осваивать новые понятия. Иногда ей удается даже дать читателю представление о методе науки (как это во многих случаях удается И. Нечаеву).

На примере этой книги нам хотелось бы подчеркнуть значение фундаментальной научной подготовки автора любой познавательной книги для детей. Чтобы книга была одновременно и занимательной и полезной, автор должен исключительно много и честно поработать над собой. Именно на почве должной занятости мало-сведущие авторы чаще всего вступают в компромиссы со своей совестью.

Мы уже не говорим о явной неграмотности. Иногда «полузнание» подводит автора больше, чем откровенная неграмотность. У несведущего автора, если он создает свое повествование, есть возможность поучиться и знать. А малограмотный полузнайка очень склонен культивировать «игру в подлинность» — это распространяемое зло нашей популярной литературы.

Автор имеет право выбрать себе читателя, как И. Нечаев выбрал себе детскую аудиторию. Но уже, выбрав ее, он обязан стойко и до конца учитывать ее уровень. Это удается И. Нечаеву. Он пишет просто, а главное во всем и до конца совершенно понятно. А это не легко.

Именно потому, что книга хороша и будет жить, следует указать на существенные стилистические неточности, которые легко устранить при последующих изданиях. Нельзя дважды обесмертвить колыбель (Ирен Кюри открыла искусственно радиоактивность и тем самым вторично обесмертвила имя Кюри). Группу по голосу обнаружил знакомый человека в густой толпе. Нельзя сравнивать с этим ненадежным признаком спектральный анализ. Нет достоверности физического образа в выражении «свет разжижен» и т. д. Но это все мелочи.

Основное то, что И. Нечаев написал книгу, которая принадлежит к здоровому и жизненному направлению нашей научно-художественной литературы для детей. Отметить это — отрадно.

«СТАЛИН В ТУРУХАНСКОЙ ССЫЛКЕ»

Эту тонкую пятидесятистраничную книжку прочтываете с огромным интересом и волнением. Вера Швейцер — старая большевичка-полнольница, отбывавшая туруханскую ссылку одновременно с тт. Сталиным и Свердловым, рассказывает нам несколько ярких эпизодов из жизни и революционной работы товарища Сталина в условиях ссылки в далеком Заполярье. Каждый из эпизодов — еще один пример несокрушимого мужества большевика, беззаветной преданности делу рабочего класса.

Сталин в 1912 г. дважды бежал из ссылки — в феврале из Вологодской губернии и в сентябре того же года из Нарымского края. Поэтому, арестованного снова в марте 1913 г., царское правительство «обеспокоилось» как можно дальше упредить одного из опаснейших своих врагов. Таким «надежным», с точки зрения петербургской полиции, местом оказался маленький поселок Курейки. «Про Курейку, — пишет Швейцер, — можно было без преувеличения сказать, что она находится на краю земли. Зима длится здесь 8—9 месяцев, и зимняя ночь тянется круглые сутки... Человек при 65-градусном морозе ютится в юрте. Простая теплая избушка являлась уже привилегией более счастливых людей».

Но и в Курейке Сталин продолжал напряженно работать: он писал вторую часть своей книги «Марксизм и национальный вопрос», изучал Маркса (он, как и Ленин, «любил советоваться с гениальным учителем — Марксом»), когда

В. Швейцер «Сталин в Туруханской ссылке». Воспоминания подпольщика. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1940 г.

ВЧЕРАШНЯЯ ЛАТГАЛИЯ

В книгу Я. Нидре «Еретик в Латгалии» вошло 12 рассказов. Написанные живым, народным языком, они читаются с неослабевающим интересом. Видно, что автор глубоко изучил жизнь, нравы и быт Латгалии; он умеет тонко подметить главное, подчеркнуть наиболее характерные стороны быта, самое существенное в отношениях между людьми. Правда, сюжетная структура рассказов Я. Нидре не всегда достаточно четкая, но это результат свойственной автору стилистической манеры, а никак не следствие его неопытности.

Страстная ненависть, гнев, разная сатира — вот оружие, с которым Нидре выступает против классовых врагов; с другой стороны, полны мягкого юмора описания людей из народа, суверенных в силу невежества, навязанного им условиями былой жизни в угнетенной Латгалии («Лутештине сантима», «Оскверненная реликвия», «Колокол»).

Надолго запоминается образ жалкого, лживого ксендза Кулша («Ксендз Кулш»); не менее выразителен его коллега — похотливый, грязный, порочный ксендз из рассказа «Розалия на исповеди». Яркий образ и самой Розалии. Простая, скромная, наивно-религиозная девушка, Розалия тиха и доверлива, но это не мешает ей быть решительной и смелой в минуту грозной опасности. Еще более колоритной и цельной получилась фигура бедняка Донота («Анти-

Janis Niedre. «Keceris Latgale». Varp. Riga, 1940.

«НОЧЬ 24 ИЮНЯ»

Бакинское издательство детской и юношеской литературы выпустило книжку поэта Сергея Иванова «Ночь 24 июня». Уже судя по заглавию стихотворения («Смерть Ханлара», «Лад Кехочевный», «Фархад и Ширин» и т. д.), поэт поставил себе задачей рассказать о революционной борьбе народов Закавказья, о настоящем Азербайджанской республики, о ее прошлом и о жизни ее людей.

Самая попытка работать над этими темами заслуживает всеческого одобрения. Русскому читателю Азербайджан известен, главным образом, по переводам, и поэтому всегда чрезвычайно интересно услышать об этой стране и от русского поэта, конечно, если он основательно с ней знаком и в состоянии увидеть ее «своеобразие и колорит, которые так часто теряются в переводах».

Но, к сожалению, мы не находим в книге того, что ожидали увидеть в ней. А ведь Сергей Иванов — русский поэт, постоянно живущий в самом центре Азербайджана, в Баку. Мы с досадой обнаруживаем, что большинство его стихотворений является не более, чем стилизацией под народное творчество или схематическими переводами с его образов, и поэтому мы не ощущаем в них прелести и красоты оригиналов. Историческое прошлое и сегодняшняя жизнь большой, очень своеобразной страны только внешне отражены в этих

Сергей Иванов. «Ночь 24 июня». Стих. Издательство детской и юношеской литературы ЦК ВЛКСМ Азербайджана, Баку, 1940 г.

«ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА»

Впервые за советские годы детское издательство выпустило значительную повесть Бичер Стоу «Хижина дяди Тома». Выход в свет этой книги — в известном смысле событие в детской литературе. В течение двадцати лет редакторы и педагоги размышляли над тем, целесообразно ли издавать ее для советских школьников. Религиозные настроения, которыми проникнуты некоторые главы повести, казались непреодолимым препятствием на пути к ее изданию. При этом забывалось, что огромное реалистическое дарование автора торжествует над узостью его воззрений, над ограниченностью кругом идей, заключенных в повести. Эмоциональное воздействие ее необычайно велико. Книга вызывает чувство странного протеста против угнетения человека человеком, против всякого рабства.

В этом ее широкое значение и для сегодняшнего дня. Совсем недавно вышла замечательная книга Ричарда Райта «Лети дяди Тома». Читая ее, мы убеждаемся, что судьба вилуков и правнуков героев повести Биллоуардсена.

Но эти (статки, немногие) «еретики» молостерство не являются от читателя глубокого оптимизма талантливой повести о стремлении народа «жить как можно дольше, разить врага и побеждать».

Гарриет Бичер Стоу. «Хижина дяди Тома». Сокращенный перевод с английского Н. и М. Чукловских. Под редакцией Корнея Чуковского. Детиздат. 1941 г.

да началась первая империалистическая война, руководил дискуссией ссыльных по поводу отношения к войне, отстаивая твердую ленинскую позицию. «В самой обстановке комнаты, — отмечает Швейцер, — чувствовалось, как тогда иррационно (Сталин) работал: стоял завален книгами и большими пачками газет. Тонкие гениальные карандаши Карла Маркса были все испещрены карандашом. Сталин работал в это время над «Капиталом». На столе лежала книга Розы Люксембург на немецком языке, которую Иосиф Виссарионович читал и переводил на русский».

Большое внимание Сталин проявлял к жизни местного населения — остяков и тунгусов. Крестьяне Туруханского края обращались к нему за советом и помощью.

В октябре 1916 г. по решению царского правительства административно-ссыльные были призваны на военную службу. С этой целью отправлен был в Красноярск и Сталин. «В пути от Курейки до Красноярска товарищ Сталин провел большую организационную работу... Товарищ Сталин умшеленно старался задерживаться на каждом станке. Нужно было познакомиться с ссыльными, получить явку — связь с организациями и с отдельными товарищами, работавшими на воле и в армии. Все это делалось замаскировано, под видом несезонных встреч и проводов привозников, с песнями и плясками».

Однако царские чиновники так и не отправили Сталина в армию: они боялись его влияния на солдатскую массу.

В марте 1917 г., уже после Февральской революции, товарищ Сталин вернулся в Петроград, где вместе с Лениным руководил подготовкой Великой Октябрьской социалистической революции.

М. ЯКОВКИН.

христ». Реалистическая правда коротенькая история Питерса Луанса («Рассказы Питерса Луанса»). Как в калле воды, в ней отражена горемычная жизнь крестьянина-бедняка. Много горькой правды в описании карьеры сына кулака Карлуса Рудаса («Чангали»). Ставши командиром айсаров (кулацкая военная организация), Карлис наводит ужас на крестьянскую бедноту своего района. Его повеление весьма характерно для той системы дикого произвола айсаров, которая господствовала в плутократической Латвии. Рассказ «Чангали» заканчивается приходом в Латгалию красноремейских частей, восторженно приветствуемых трудящимся народом. Самое важное и ценное в книге Я. Нидре — та единая и цельная картина жизни, которая в ней разворачивается. Каждый рассказ дополняется следующим. Писатель воскрешает перед нами страшное прошлое Латгалии, чудовищное царство ксендзов, кулаков, айсаров, обрекающих народ на нищету и бескультурье.

Однако описания «власти темных сил» не имеют для Нидре самостоятельного значения. Он показывает и растущее недовольство масс, выступление сознательных борцов против эксплуатации и бесправия народа. Это, главным образом, представители бедняцкой молодежи, представители бедняцкой молодежи и др.

Читая книжку Нидре, радостно сознавать, что царство ксендза и кулака — это уже вчерашняя Латгалия.

Р. ПЕЛЬШЕ.

О. КОЛЕСНИКОВА

ПРАВДИВАЯ ПОВЕСТЬ

«Отрешил ледоход. Молчалива Кама властно и грозно по тихой весенней земле. С горечью решимостью она очищала свой заветный путь, — где надо, подмывала и обрушивала берега, низвергла деревья, свосила постройки... Но люди с восхищением следили за буйством освобожденной реки: было что-то справедливое и мудрое в ее разрушительной силе. А потом Кама разлилась, да так широко, что всем показалось, будто раздвинулся горизонт и стало светлее и просторнее в мире».

Так вступает в свою короткую и страстную повесть молодой писатель Михаил Бубеннов.

Разлив Камы — это не только эффектная картина, написанная художником, любящим природу и способным найти для нее верные, простые и просторные слова. Это вступление определяет лейтмотив повести, ее тональность. Это, несомненно, и символ Великой Октябрьской революции.

«А за таких людей, которые хотят жить, жить как можно дольше, бороться, разить врага и побеждать», — так говорит Сталин Чакалов в сценарии «Волерий Чакалов».

О таких именно людях пишет Михаил Бубеннов.

По руслу Камы медленно плывет баржа. На ней виселица. Две петли. В одной из них повешены крестьянин, а в другой — молодой паренек. «Он висел, оступив пыльный чуб, словно думал тяжелой думу».

В трюм баржи брошены крестьяне без разбору, все, что показалось подозрительным карателю Бологову. Каждый день из трюма выводили новую жертву, чтобы заменить ее ту, от которой слыт сладковатый трюнный запах на палубе.

Смерть завтра или через день, или еще через несколько дней, но совершенно неотвратимо — смерть. И все же сквозь обреченности, в самые страшные минуты ее, в трюме не угасает мысль о жизни, о сопротивлении, о месте карателя, о загромождении завоеваний, которые принесла дядюшка советская власть.

Большими Иван Бельский, сброшенный в трюм, спускавший самые различные планы освобождения. И все отменял. Но он не знал разочарования и усталости в своих тайных исканиях; ему почему-то казалось, что можно все же найти какой-то выход... Дважды его вызывали на палубу и дважды он избегал своей участи. «Смертнику охотно убеждалась, что Иван Бель-

ский крепче, чем другие, умеет держаться за жизнь. И за это полюбил его».

В захватывающей атмосфере трюма догорает жизнь другого большевика Степана Долина. Его отравленные во время империалистической войны легкие здесь окончательно рухнули. Ему не выжить, он это знает. Но жизнь его может продлить и другая, таковая же, как он, большевик, ведь жизнь нужна Степану Долину для того, чтобы отдать свои силы народу и уничтожить Бологовых наследия.

«Сквозив голову, Долин сказал вдруг дакеким и недарванным боллом голосом: — Жить тебе надо, Иван, жить. И резко захкапал. — Всем бы надо жить. — А тебе — особо. — Почему же? — усмехнулся Бельский».

— Так. Ты — в упор смотришь на живых. Я вижу. Тебе жить надо».

И если уж суждено большевику умереть, то умирает он так, что содрогается даже испытанный каратель Бологов.

«Иван, слушай... — Долин схватил Бельского за руку. — Вот перед смертью человек... если... его последняя просьба... должна... быть выполнена? Ага?»

Бельский не понимает. Он пытается отвлечь Степана от мысли о смерти.

— Нет, не спорь... Меня сегодня не убьют, я завтра... сам помру... О себе я не думаю. Все передумано. Об одном я, Иван, жалее: мало я успел сделать для власти нашей. Ой, мало! и вот, понимаешь, хочешь мне еще что-нибудь сделать перед смертью, хоть немного, хоть пущик какой».

«Слышал где-то: хорошо умереть все равно, что жизнь прожить».

И вот, когда в третий раз вызывают Ивана, вместо него на виселицу идет Степан Долин. Узнав об этом, Бологов не выдержал: ударом кулака он выбросил Долина из трюма, но на предложение вызвать следующего очередь закричал: «К чорту, прекратите! И не могу!».

Ивану Бельскому и Степану Долину отведено в повести очень немного страниц. Сурово и сдержанно, без единой расстроганной фразы, без капли умиленья рассказчик о них автор, и тем крепче, тем прочнее запечатлел их в сознании читателя.

Повесть о страшном барже с виселицей на палубе и смертниками в трюме обращена автором в речь о жизни, о мужестве, о чувстве достоинства и чести, о неистощимых силах народа, наконец о спящем в его стремлении к свободе.

Явное всего эта повесть слышится в жизни главного героя Миши Мамай.

Вначале это «горячий, бесшабашный нарыв». Он буйствует, затевает драки. За горячий характер ему и дали прозвище Мамай». Но во всем его подвижной фигуре было столько древней мужицкой силы и веселой лихости, что на него нельзя было обижаться, как и на весну, которая в эти дни подчас натпине бугиствовала на земле... «Высокий и склад-

ный, ходил он зверино-легко, слегка порывисто походкой, сложив руки за спину и горло неся спод красную голову».

Но и это не миловала баржа. Он поназд на нее за то, что отступил большевика и пытался бежать с фронта, когда его мобилизовали белые. Вот Мишка лицом к лицу с носителем смерти, — поручиком Бологовым. На вопрос, за что отступил большевика, Мишка отвечает: — За что? За песин.

— Только не врать, — предупредил Бологов.

— Не вришь, не спрашивай. — Но как ты его отпустил? Точнее. — Он сам ушел. Оборвал песню, посмотрел на меня, назвал дураком и пошел в лесок.

— Стрелял бы! — Вот, знаешь, не стрелял! — Почему задумал убежать с фронта? — допытывается Бологов.

— Фронт, — Мамай ядовито усмехнулся, — много там дядю, да мало выду. Киньтесь там, а не фронт!».

Из немногих слов автора, из короткого разговора, полного достоинства и спокойного мужества, ясен характер героя. — Мишка не только видел на расстоянии, он осязал, слышал его нитонации, звучит даже темер его голоса. И он уже доктор читателю, судьба его волнует, как судьба близкого человека.

В трюме Мишка встречается с Наташей, женщиной, которую любил буйной, хмельной и целомудренной любовью. Началось страшное состояние жизни, любви и смерти. Жить во что бы то ни стало, повалить смерть наповал, захлестнуть ее петлей и освободить всех, кто сброшен в зловонный, страшный трюм, — освободить для того, чтобы поволннить ряды борцов за крайнее дело народа. В этом страшном желании собраны все помыслы и чувства Мамай.

Но вот открылся лесок. На палубу выскочил Мишка. Еще несколько минут, и молодой паренек с лынным чубом смелит на виселице сильный, непокорный Мамай. Эти страшные моменты наиболее напряжены. Бологов сам намыливает петлю. Он сладострастно примеряет ее на себя. «Это был тот момент, когда обреченные, выкрикнув, палали». Надлеж петлю. Бологов подмигнул: «Ничего, хороше». В эту секунду «Мамай остревело ударил ногой по табурету». Штерелся в Каму, наперерега телеша.

Кама вырнула Мамай. Гасило от пуха, пыльных ветел. На берегу — неожиданный встреча с отцом. Мишка насторожился, он знает, что старик поспосит в большевиками за то, что у него забрали хлеб. Молчаливо примирение, потому что отец за это время понял, и понял навсегда, с кем он. Понял, что обща на большевиком была несправедливой и пустой. Отец и сын теперь в одном партизанском отряде. Они вместе делают отчаянную попытку освободить баржу. В первый раз бегство, но во второй, когда подошла помощь мянонцев, Мишка наотмашь открывает лок мрачного трюма, и смертникам возвращается жизнь.

Но среди тех, кто поднимается по сколь-

зкой лестнице на палубу, нет Наташи. Она не дождала.

Сцена похорон Наташи — одна из самых сильных в повести. Автор с большой бережностью обращается в эти минуты со своим героем: ни одного лишнего слова. Строго и сурово раскрыто глубокое горе Мамай. Он вырезал молча на ложе своей вилитовой оло слово: Наташа. Так он продлил жизнь любимой женщины. Вилитовка с именем Наташи будет мстить врагу, пока не останется на земле ни единого.

Непокорный, строптивый Мамай, как свободная, мощная Кама, «с трудом смиряет свой буйный нрав, неохотно ложится в русло». Но теперь, носле страшных испытаний, «тонкие губы, любившие ехидно усмехаться, чаще всего были сурово сжаты». «Во взгляде его стало больше задумчивого упрямства...» (От мужеч фигур Мамай стало везать заколотой долой, не слезой и бесшабашной, а строгий, тихо дышащей огнем силой»).

Нельзя приходить на память начало повести: мятежный разлив Камы, будущее непокорных сил и потом спокойствие и уверенность реки, расчистившей себе просторные и спокойные русла. Кама, Мишка-Мамай, революция слыты повестью в единое целое — в страстный порыв к свободе, к жизни, к победе.

Это стремление народа к свободе, победе и творчеству новой жизни неослабеемо. Силы его неистощимы. В испытаниях он черпает новые, потому народ этот бессмертен. С таким чувством открывает читатель эту глубоко патристическую и правдивую повесть.

Автор ее молод, он идет еще «слегка порывисто походкой». Иногда он теряет уверенность, начинает оглядаться на другие литературные традиции и вдруг, ни с того, ни с сего, дает им пощучу какой-нибудь чрезмерно красивой фразой, впитанной между прочим, свободными слезными образами. То вдруг угнетит наблюдение в описании белогвардейцев (для колорита все же находил и новые, незнакомые выражения); то не соразмерит композицию с замыслом и выведет образ за пределы задуманного, отчего очертания образа начинают расплываться, уходит в тень, как это случилось с образом Наташи. Иной раз, наоборот, на первых страницах он недостаточно внимательно относится к герою и только потом возмещает за него по-настоящему, отчего пропадает естественность в развитии образа, как это случилось, например, с мобилизованным белыми крестьянином Сергеем Митой. Или вдруг вступает почему-то, что читатель его не поймет, и безжалостно разрывает очень тонкую и прозрачную ткань повести тяжелой весовой справкой, ненужным отступлением в детство карателя Бологова, извинениями и не всегда верными попытками переживания и рассуждений белогвардейцев.

Но эти (статки, немногие) «еретики» молостерство не являются от читателя глубокого оптимизма талантливой повести о стремлении народа «жить как можно дольше, разить врага и побеждать».

Мих. Бубеннов. «Бесмертние». Повесть. Детиздат, 1940 г.

Литературная газета № 5

УРОК ИЗ ПРОЙДЕННОГО

Мы отыскали от «немого» кинематографа. И вот он напомнил о себе. Зритель увидит немую картину-бульвар «Броненосец «Потемкин».

Каждый кадр этого легендарного фильма накрепко запечатлелся в памяти тех, кто видел картину в пору ее триумфального шествия по миру. И все же она через пятнадцать лет воспринималась как новинка, как свежее открытие. А ведь мы далеко ушли от времени «Броненосца» — видели «Чапаева», «Великий гражданин», трехцветные картины, открываем первый театр стереоскопического кино. За пятнадцать лет техника наделила экран звуком, цветом и трехмерностью.

Конечно, не техника пленки нас снова в «Броненосец «Потемкин»». Было бы полезно проповедовать возвращение к тому техническому уровню, на каком находилось кино пятнадцать лет назад. Так же смешно иронично заглядывать параллельное сосуществование немого экрана с звуковым. Кому выберет на ум ехать на перекладных, когда к услугам поезды-экспресс или самолет!

Очарование картины Сергея Эйзенштейна в другом: мы увидели эпопею своего, советского кино, увидели дерзание, равнозначное смелому полету. Вспомнить только! — до «Броненосца «Потемкин» мы плелись где-то в последних шеренгах мировой кинематографии и вдруг неожиданно, одним богатырским прыжком выдвинулись вперед, и настолько далеко вперед, что даже метры из Голливуда стали поговаривать об учебе у Эйзенштейна. Их поразили сила воздействия фильма на зрителя, волнующий пафос, излучаемый картиной, ее новизна, незнаемый до тех пор ритм и художественная цельность, законченность. Фильм действительно обладает этими качествами. Эйзенштейн и его «железная пятерка», как называлась тогда постановочный коллектив «Броненосца», удалось то, что не всегда удается крупным художникам. Была воссоздана не только атмосфера времени, настроения и духовная целеустремленность изображаемой эпохи. Был с мучительной экспрессией показан характер народа — главного героя картины. А ведь это, как мы знаем, и делает произведения искусства долговечными.

Основное достоинство фильма — его народность, вопреки ограниченности технических возможностей, использованных в нем, сделало его показательным. В наши дни он многому учит современную кинематографию. В частности, тому, что в искусстве называется тенденциозностью.

Пытаясь скопировать картину Эйзенштейна, некоторые буржуазные критики называли ее тенденциозной, не подоровав, вероятно, что дают тем самым высшую оценку «Броненосцу». Подлинно реалистическое искусство всегда было тенденциозно, всегда ясно и недвусмысленно заявляло о своих симпатиях и антипатиях. Энгельс называл Эсхила и Аристофана, Данте и Сервантеса ярко выраженными тенденциозными поэтами, полагая при этом, что в произведениях настоящих мастеров искусство тенденция сама по себе вытекает из положения и действия и что вовсе не надо на нее особо указывать. В «Броненосце «Потемкин» зритель ясно видит, что симпатии его создателя на стороне народа, в его борьбе с эксплуататорами, его мужество и благородство, его будущее «Немой» так красноречиво, что договаривать за него не приходится.

Многим нашим современным фильмам часто не хватает художественной убедительности, какая покоряет в «Броненосце «Потемкин». Когда вновь смотришь «Броненосец «Потемкин», становишься более понятными причины творческих неудач, источники недостатков даже некоторых хороших фильмов последних лет. Суть их в подмене образности простым показом, иллюстрацией, а часто — во внутренней недосказанности. Авторы разговаривают со своей аудиторией или попутчиками или языком прописных истин. Иными словами, или вовсе не имеют четкой художественной тенденции, или указывают на нее латентно, упоминая экскурсоводом по давно знакомым местам.

В «Броненосце» играют не только люди. «Играют» вещи, природа, воздух, камни одесской лестницы. Форма произведения счастливо совпала с его внутренним содержанием. А не это ли является признаком цельности, завершенности произведения киноискусства, не этому ли надо и сейчас учиться многим нашим кинорежиссерам? Говорят: повторение — мать учения. Пятидесятилетний юбилей «Броненосца «Потемкина» — полезный урок из пройденного. Чем крепче он будет усвоен, тем быстрее наша кинематография будет двигаться вперед как самая важная, передовая отрасль советского искусства.

В. Ф.

У писателей Советской Молдавии

КИШИНЬЕВ. (Наш корр.). В Союзе писателей Молдавской ССР состоялся обсуждение последнего номера молдавского журнала «Октябрь».

Выступившие товарищи обратили внимание редколлегии на необходимость расширить отдел биографии и более строго отбирать произведения для печатания в журнале.

*

Объявлен республиканский конкурс на оригинальную пьесу для Государственного Молдавского музыкально-драматического театра. Пьесы могут быть написаны на молдавском, русском и украинском языках. Темой должно служить историческое и историко-революционное прошлое молдавского народа, татаробуарское и хотинское восстания, жизнь Котовского, оборонные и другие темы — по выбору.

Установлены четыре премии: в десять, семь, пять и три тысячи рублей.

Ряд молдавских и еврейских писателей уже работает над пьесами на эти темы.

Д. ВЕТРОВ.

Творческий вечер Раскина и Слободского

Ровно год назад в этом же самом зале — Коммунистической аудитории МГУ — был устроен первый творческий вечер А. Раскина и М. Слободского. Прошел год.

30 января 1941 г. писатели выступили снова перед студенческой молодежью. Чередуя правду с остроумной выдумкой, смешное с серьезным, А. Раскин и М. Слободский говорили о том, что сделано ими за год. Они работали в журналах и газетах, расширяя круг тем своих фельетонов, написали комедии, закончили трехактное обозрение для Театра сатиры, над которым работали четвером — с артистом Е. Рудиным по либретто Л. Трауберга и, наконец, подробно разработали сюжет большого сатирического романа из современной жизни. Затем писатели перешли ко второй части своего отчета — «что мы не сделали в этом году», где написали романы по указанным сюжетам, не писали лирических стихов, уходящих корнями в прошлое, в будущее, так что на долю настоящего остается одна деревня, не написали многого еще.

А. Раскин и М. Слободский читали исключительно новые вещи. Впервые опубликованы были прочитаны сцены из обозрения, фельетоны «Питкантропос», «Человек-трава», «Сентиментальное путешествие» и отрывки из комедии.

В новых вещах Раскина и Слободского много хорошей выдумки, злободневный острот, смешных и едких шуток. Аудитория часто прерывала чтение дружным смехом и аплодисментами.

Хороший почин

Краснознаменная газета Ленинградского Военного округа «На страже родины» напечатала на днях очерк писателя Николая Тихонова «К истории дважды краснознаменной стрелковой дивизии». Очерк занял целую страницу. П. Тихонов сделал весьма ценную работу, положив начало созданию истории одной из старейших боевых дивизий Красной Армии.

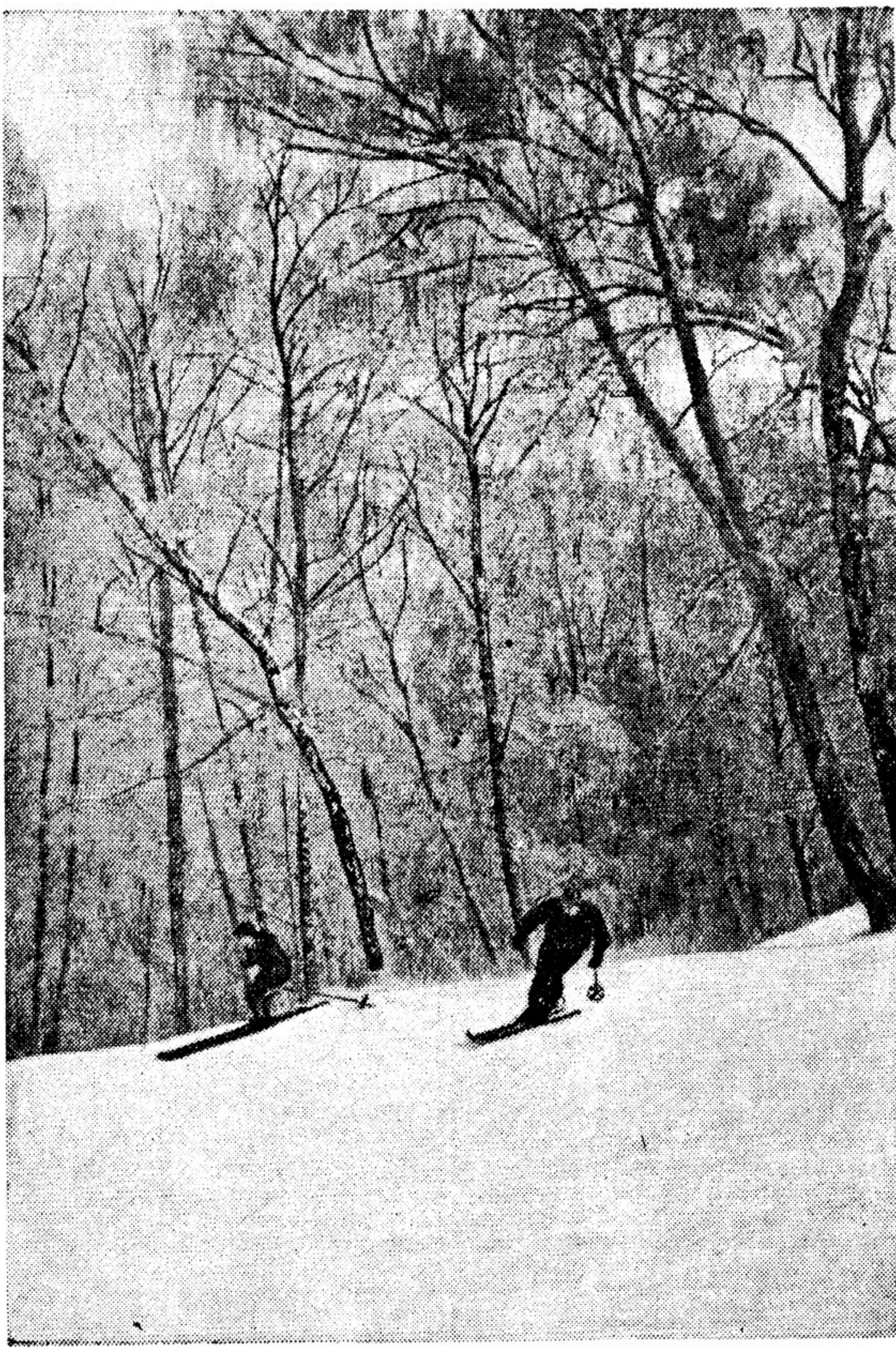
Сейчас общенародная история части раскрывается устно. Но в каждом годе все меньше и меньше становится бойцов и командиров — участников, свидетелей. Они переходят в другие части. Собрать рассказы, воспоминания, написать историю полка, дивизии могут советские писатели. Многие поэты и писатели были свидетелями и даже участниками боев 123-й, 70-й орден Ленина стрелковых дивизий и многих других частей. Они располагают и записями и личным знаком людей.

Писатель Н. Тихонов в своем историческом очерке показал славный боевой путь Самаро-Сибирской железной дивизии от дней ее создания В. В. Куйбышевым до участия в разгроме белофинской палчармы; рассказал о ее людях — Героях Советского Союза Вещеве, Маргулисе, Лятеве, Пулькине, Ульянове, Комарове и др.

Хороший, ценный почин Н. Тихонова достоин того, чтобы писатели, особенно работающие на оборонные темы, распространяли его и помогали создать уже в этом году боевые истории полков и дивизий.

М. МОЦЕНКО,

батальонный комиссар-орденоносец г. Ленинград.

Лыжники гг. Овчинников (ОЗНА) и Мауэр («Торпедо») тренируются на Ленинских горах (Москва). Фото И. Шагина.

ФРОНТОВАЯ ПОЭЗИЯ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Новое бюро поэтической секции ленинградского отделения Союза советских писателей начало проводить в Думе писателя И. Маяковского «четыре поэтов». Последний поэтический четверг был посвящен большой теме — «Поэзия и фронт».

— Среди писателей — участников боев с белофиннами, — сказал во вступительном слове Т. Лихарев, — было много поэтов. Я вспоминаю, с какой радостью бойцы и командиры получали фронтные газеты, в которых на днях в левый верхний угол вставляли стихи и фельетоны Н. Тихонова, А. Твардовского, В. Саянова, А. Прокофьева, А. Суркова, А. Веземского... В землянках и шалашах, переложив шепотом, читали и заучивали стихотворные строки. На других участках фронта работали поэты Е. Долматовский, А. Гитович, В. Лифшиц, И. Авраменко. На далеком Севере, в условиях полярной ночи шел с частями Красной Армии Александр Решетов. Это — далеко не полный список товарищей, создававших в зиму 1939 — 1940 г. героическую фронтную поэзию.

Б. Лихарев рассказал об огромной популярности на фронте стихотворных сатирических фельетонов «Вася Гранаткин» — коллективный псевдоним группы поэтов в газете «Героический поход» и «Вася Теркин» — герой фельетонов, которые писались группой поэтов в газете «На страже родины», — широко известны сейчас не только в Ленинградском Военном округе.

Воспоминаниями о фронтовой работе по-

делились на вечере А. Решетов, И. Авраменко, Н. Шербаков — один из основных авторов «Вася Теркина», и другие товарищи.

Газета на фронте не могла существовать без стихов! Вслед за приказом о боевой операции, звучала в частях новая весть, вместе с вестями о героических действиях той или иной части Красной Армии облетали фронт стихи, просящиеся героев.

Все работники фронтной печати рассказывали о сотнях стихотворений, написанных на передовых позициях бойцами и командирами, и непрерывным потоком поступающих в редакции боевых газет. Некоторые газеты выпускали специальные полосы — «Песни, рожденные в боях», «Стихи о передовых позициях» и т. д.

Рассказы «бойцов, вспоминающих мучившие дни», были интересны. Однако на вечере, посвященном такой серьезной и важной теме, как «Поэзия и фронт», не доставало основного — содержательного доклада, обобщающего разрозненные воспоминания, а главное, анализирующего богатый творческий опыт поэтов — участников войны с белофиннами. Правы были участники поэтической секции, указавшие, что секция поэтов и оборонная комиссия ЛенССП почти ничего не делают для изучения фронтной поэзии, которая выдвинула много актуальных творческих проблем. Последний «четверг поэтов» лишний раз подчеркнул эту ошибку.

Ю. ИС.

Конференция, посвященная творчеству Д. Мамнина-Сибиряка

СВЕРДЛОВСК. (Наш корр.). В будущем году советская общественность отметит две знаменательные даты: девятидесятилетие со дня рождения «цента Урала» Д. И. Мамнина-Сибиряка и тридцатилетие со дня его смерти.

Подготовительным этапом к ознаменованию этих дат является орденская в г. Свердловске научная конференция, посвященная творчеству Мамнина-Сибиряка (с 7 по 11 февраля этого года).

Для участия в конференции приглашены научные работники и писатели Москвы, Ленинграда и различных городов Советского Союза, изучающие творчество Мамнина-Сибиряка.

К открытию конференции будет развернута выставка библиотеки, личных вещей и рукописей Мамнина-Сибиряка. Литературный музей г. Свердловска хранит 108 рукописей писателя.

Б. ДИЖУР

Журнал

«Советская Латвия»

В Риге начал выходить новый литературно-художественный и общественно-политический журнал на русском языке «Советская Латвия».

В номере напечатаны первые главы нового романа Андрея Упита — «Улыбчивый лист», отрывки В. Ляписа — «Четыре поезда», Я. Ниедре — «Так погиб человек», М. Яковлева — «Баян», В. Воронцова — «Мать», две новеллы И. Земелиса из цикла «Ветры окраин» и Р. Зингеля — отрывок из пьесы «Гибель Пушкина».

С прекрасным рассказом Вилиса Ляписа «Четыре поезда» читатель уже знаком по журналу «Карго». К сожалению, в русском переводе рассказ сильно пострадал. Он переведен плохо, безграмотно. Рассказ Яниса Ниедре «Так погиб человек» вызывает глубокое впечатление. Автор просто и правдиво повествует о трагической гибели политзаключенного. Перед читателем пролетают страшные картины жизни в ульмановской реакционной Латвии.

Очень хорош рассказ Макара Яковлева «Баян». Автор — известный работник латвийской компартии, подполковник, впервые выступивший в литературе. С большим подъемом написаны новеллы И. Земелиса. О пьесе «Гибель Пушкина» по одному только отрывку судить трудно. Особое место в журнале занимает роман «Улыбчивый лист» (правильнее было бы «Улыбающийся лист») А. Упита — одного из крупнейших художников слова Советской Латвии. Судя по первым главам, роман обещает быть очень интересным. Но чувствуется, что в переводе он значительно слабее, чем в оригинале.

В журнале напечатаны и стихи. Не все они равноценны. Лучшие из них «Стихи о великой дружбе» Николая Янина и «Июнь» Г. Крушниковца.

Интересна статья А. Упита «О латышском романе», следует отметить и «Письмо из Сорренто» Г. Крушниковца (воспоминания об А. Горьком).

120-летию со дня рождения Ф. Энгельса посвящена статья Я. Заселского «Фридрих Энгельс».

В отделе библиографии напечатаны рецензии на № 1-3 журнала «Карго», газету «Литературас Авизе», еврейский журнал «Уфау» («На стройке») и книжки Я. Ниедре — «Вретики в Латгалии» и Судрабу Эджуса — «Каушгитис и Чаукстис».

Журнал хорошо оформлен, иллюстрирован портретами И. Сталина, С. Кирова, М. Горького и Энгельса и репродукциями графических работ лучших художников Латвии.

Следует обратить серьезное внимание на качество переводов с латышского. В большинстве своем они сделаны плохо, местами просто непонятно.

Рассказ Вилиса Ляписа «Четыре поезда» начинается фразой: «Черная лодка шла морем домой, возвращаясь из первого... Или: «Другие лодки были уже на месте и стояли в бухте, покачиваясь беззаботно»; «От тетики был мальчишкин новый завет» и т. п.

Ряд ляписов допущен переводчиком и в рассказе Я. Ниедре «Так погиб человек». Например: «Она за четыре месяца тюрьмы»; «Лоб крутой и неровный, как на ружья ствол коршуна».

Арв. БЕРЗС

Юбилей академиков-филологов

КЛЕВ. (Наш корр.). Научная и литературная общественность Украины торжественно отметила юбилей выдающихся академиков-филологов А. Е. Крымского и Л. А. Булаховского.

Специальная научная сессия украинской Академии наук была посвящена 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности А. Е. Крымского. Владимиром 40 языками, написавший свыше 1000 научных работ по ориенталистике и истории украинского языка, А. Е. Крымский известен и своими литературно-художественными произведениями (проза и поэзия), получившими высокую оценку И. Франко.

В связи с 35-летием научной и педагогической деятельности, за выдающиеся заслуги в области языковедения Президиум Верховного Совета Украинской ССР присвоил академику Л. А. Булаховскому звание заслуженного деятеля науки УССР.

«Волшебные гусли»

Каждая книга Стенеского — интересное событие в нашей литературной жизни. Поэт в своих стихах воплотил своеобразное народное творчество черногорцев — суровую мужественность, пламенный темперамент, богатую фантазию. Язык Стенеского близок к фольклору. Построение его поэм рождает его поэзию к народным эпосам. Это подтверждено и новым произведением поэта «Волшебные гусли», прочитанное недавно в клубе писателей революционом А. Тарковским.

В поэме три части. В первой описывается жизнь Томаша Старшего. Пробором героя послужил самозваный черногорский князь Стефан Малый, который захватил княжеский престол, изменив всю систему правления. Характерно, что в официальной переписке он к своей политике прибавлял: «Великий среди великих, малый среди малых». Поэма состоит из отдельных, сюжетно связанных между собой сказок с вкраплениями в них песенки.

Все выступившие в обсуждении эпиграфически признали прочитанную часть поэмы наиболее талантливым и ярким из всего написанного Стенеским. Особенно понравились песни, которые, несмотря на стихотворную сложность, не нарушили структуры эпоса. Перевод Тарковского получил самый хороший отзыв.

М. П.

Судрабу Эджус

30 января скончался известный латышский писатель, член Союза советских писателей СССР, Судрабу Эджус (Эдуард Зильбер).

Судрабу Эджус — автор больших этических произведений, талантливого детского писателя, на книги которого воспитывались целые поколения латышского народа. Кто в Латвии не знает рассказов «Шальной Даук», «Каушгитис», «Перед грозой»?

Судрабу Эджус приветствовал образование свободной советской социалистической Латвии пламенной поэмой, которая была напечатана в латвийской прессе. Латвийское советское правительство пригласило его приехать в Латвию, встретиться со своими читателями, друзьями, школьной молодежью, горячо любящей своего старого учителя-писателя.

В литературе Советской Латвии Судрабу Эджус отведено заслуженное место. Недавно общественность Латвии тепло отметила 60-летие литературной деятельности восьмидесятилетнего писателя. За короткое время в Советской Латвии издали и переиздали многие его произведения и начало издание полного собрания сочинений. Его произведения в новых переводах на русский язык выходят в Москве.

Судрабу Эджус всю свою жизнь был связан с пролетариатом и революционным движением, даже в годы вынужденного пребывания вне Латвии после революции 1905 г. Не было суждено ему, после 35-летнего отсутствия, вернуться в ныне свободную Советскую Латвию, куда он стремился своим горячим, никогда не старевшим сердцем.

Урна с прахом писателя перевозится в советскую Ригу.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

*

1 февраля гроб с телом Судрабу Эджус был установлен в Союзе писателей. До похоронного вечера и все утро 2 февраля у гроба, окруженного огромными толпами, в почетном карауле сменяли друг друга представители правительства Советской Латвии, писатели, работники издательства, родные и друзья покойного.

В 14 час. 30 мин. началось гражданское панихиса. С речью выступил: от ЦСР СССР — П. Павленко, от Совнаркома и ЦК КП(б) Латвии — т. Вуршиштейн, от оргкомитета латвийского Союза писателей — т. Григулис, от ЦК комсомола Латвии т. Б. Беркович.

2 февраля в 15 час. 30 мин. состоялась кремация.

В Москву из Риги для участия в похоронах прибыла делегация в составе писателей Э. Биранес-Упит, А. Григулиса и Б. Беркович.

В. И. Гаприндашвили

Президиум и Грузинская комиссия Союза советских писателей СССР с глубоким прискорбием извещают о смерти выдающегося грузинского поэта-орденоносца Валерия Ивановича Гаприндашвили, последовавшей в г. Тбилиси после продолжительной болезни.

Хроника искусств

Музеем нового западного искусства приобретены новые картины и рисунки ряда мастеров XIX столетия. Среди них — одна из более ранних работ известного художника парижской школы К. Ван-Донгена, принадлежавшего к группе «дики», — «Люди и не партнер». «Столбы» знаменитого шведского мариниста Бергера представляет собой большую городскую панораму шведской столицы и ее порта. Другой из приобретенных морских пейзажей принадлежит кисти известного голландского мастера XIX века Мейера «Крестьянский уикенд» — это картина, написанная поэтотом польского художника Теллера. Среди графических приобретений — рисунок углем «Девочка с кошкой», французского художника Демиса и жанровая картина «Канкан» французского художника Вомона.

Скульптор И. Чайков работает над трехмерной фигурой В. Маяковского во весь рост. Моментальный портрет поэта, отлитый в бронзе, будет стоять в залах Музея им. Маяковского.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Приношу глубокую благодарность организациям, учреждениям и лицам, потратившим память моего покойного мужа — академика Юрия Матвеевича Соколова и поддерживавшим меня своим сочувствием.

В. ДЫННИК-СОКОЛОВА.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИОШЦИ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ

ПЕРЕВЕДЕНА с УЛ. ГОРЬКОГО, 13, НА КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 18 в МАГАЗИН ИЗД-ВА «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» ТЕЛЕФОН К 4-42-39, ПРИ КНИЖНОЙ ЛАВКЕ ОБОРУДОВАНА КОМНАТА для обслуживания ПИСАТЕЛЕЙ

ЗАКАЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ НА ЛИТЕРАТУРУ ПРИНИМАЮТСЯ УСТНО, ПИСЬМЕННО и по ТЕЛЕФОНУ.

В ПРОДАЖЕ ИМЕЮТСЯ КНИГИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВУ, ФИЛОСОФИИ, ТЕАТРУ и ДР.

ПРОПАГАНДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художественная литература играет огромную роль в коммунистическом воспитании масс. Пропаганда лучших образцов классической литературы и произведений советских писателей — прекрасное средство расширения культурного кругозора читателей. Хорошая книга учит жить, помогает развитию высокохудожественного вкуса. Пропаганда книги, выступления писателей сближают читателя с автором, делают лучшие произведения достоянием многотысячной аудитории.

Однако там, где пропаганда литературы не поставлена по-настоящему, она из средств идеино-политического воспитания масс превращается в простое коммерческое мероприятие.

Достаточно привести следующий факт. В одной только Москве делом пропаганды художественной литературы в большей или меньшей степени заняты 40 организаций — здесь и Мосестрада, и Филармония, и Артистбюро, и Концертно-эстрадные объединения, и десятки других объединений. В результате между всеми этими «пропагандистами» литературы возникла вездоразящая конкуренция.

За редким исключением, пропаганда литературы для этих организаций отнюдь не служила самоцелью. Исключением является лишь редакционное бюро Моссовета, которое включает художественную литературу в свои агитационную работу и пропагандирует ее по определенному плану: систематически проводятся творческие встречи писателей с читателями; регулярно ведется работа по пропаганде классической литературы; учитываются отзывы слушателей. Все это делает работу Центрального лекционного бюро Моссовета пока единственным источником положительного опыта.

Остальные же организации, как правило, привлекают писателей к участию в

так называемых «смешанных» концертах, где стихи, рассказы, отрывки из романа идут в общей программе, часто между исполнением цыганских романсов и цирковыми номерами.

Совершенно очевидно, что подобное общение писателя с аудиторией ни читателю ни литературе ничего не дает.

К сожалению, и литературные организации, занимающиеся якобы пропагандой художественной литературы, со своими задачами не справляются. Здесь процветают кулашничество, самотек и организационная безурочность.

Бюро пропаганды литературы при ЦСП — в сущности не что иное, как «стол заказов», удовлетворяющий самотечный спрос своих клиентов. Никакой методической, направляющей работы бюро не ведет. Цыганки продуманных, сколько-нибудь осмысленных программ оно не имеет. Руководство и контроль отсутствуют. О том, как прошли вечера, каково было содержание докладов, произведений, читанных на вечерах, каковы запросы аудитории, — бюро пропаганды узнает из случайных отзывов заказчиков; бюро не систематизирует, не изучает и не учитывает результаты работы.

Это и неудумно, ибо пропагандой художественной литературы президиум ЦСП как следует не интересуется.

Еще более безответственно относится к своей работе бюро выступлений, созданных чуть не всеми литераторскими группами профсоюзом. Под благородным лозунгом пропаганды художественной литературы эти бюро служат, по существу, лишь для пополнения средств денежной помощи и своеобразного материального вспомоществования отдельным членам группировок.

Естественно, что при такой организации дела у читателей должно получиться прерывчатое представление о советской литературе. Едва ли, например, И. Шварц, П. Железнов, А. Ситковский, М. Альшuler, чаще всего выступающие перед ау-

дитории, способны создать своими произведениями правильное представление о нашей литературе. А ведь среди литературных гастролей, разгуливающих по периферии, есть люди еще менее квалифицированные, сделавшие выступления с эстрады своим основным ремеслом и уже абсолютно никакого места в литературе не занимающие.

Можно привести такой факт: колумбийский завод просит прислать нескольких писателей для выступления на литературном вечере. Группком драматургов предложил устроить вечеру список из пяти лиц. Работники завода, не обнаружив в этом списке ни одной хоть сколько-нибудь известной фамилии, попросили библиотеку дать справку, есть ли произведения этих писателей в библиотечном фонде. Оказалось, что среди 43 тысяч книг не нашлось ни одной, где бы значилась фамилия выдвинутых группком «литераторов».

Обо всем этом было подробно рассказано на заседании бюро парторганизации Союза писателей. Партийная организация правильно поступила, что заинтересовалась состоянием пропаганды художественной литературы. С этой целью группе писателей — А. Суркову, Б. Валецкому, А. Твардовскому, В. Гусеву, М. Алперт — было поручено подробно ознакомиться с работой организации, занимающейся пропагандой литературы. Результаты их обследования и были предметом широкого обсуждения.

Партийное бюро признало необходимым разработать развернутый план пропаганды художественной литературы на 1941 г. с указанием тем, произведений и круга писателей. Решено постановить перед президиумом ЦСП вопрос о ликвидации бюро выступлений при всех группировках писателей. Дело пропаганды художественной литературы должно быть сосредоточено в двух организациях: в лекционном бюро Моссовета и в бюро пропаганды литературы при ЦСП.

Но прежде всего следует коренным об-

В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ на ЭКРАНЫ КИНОТЕАТРОВ ВЫПУСКАЕТСЯ НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

ВЕТЕР с ВОСТОКА

Сценарий — А. ДУБРОВСКОГО и В. КУЧЕР
Консультация по сценарию — ВАНДИС ВАСИЛЕВИЧОН

Режиссер — А. РООМ

Оператор — Н. ТОПЧИЯ
Художник-орденоносец — М. УМАНСКИЙ
Звукооператор — Т. ПОПОВ

А. ДЕМИДЕНКО.

В РОЛЯХ: Хома Габриэс — нар. арт. УССР, орденосносец А. Бучма • Ганна — арт. Т. Кондратова • Юлья Хома • арт. В. Бжезская • Валик из села — Ю. Островой • Василь — арт. Б. Авшаров • Янина — арт. О. Желанова • Урицкая — арт. Р. Пякст • Стефан — арт. С. Маргитис • Андрей — арт. В. Куржало • Малинка — арт. Яков — арт. О. Сивильский • Иван (брат Хома) — арт. П. Сороча • Магда — арт. Л. Сердюкова • Дубач — арт. И. Сталик • Юзеф — арт. В. Рачка.

Производство Киевской киностудии ***** Выпуск «Главкинопротат»